

В этом номере журнала мы даем еще — четвертый по счету — отрывок из последних глав экскурсионного эссе Льва Экономова «Наедине с загадочным Сталиным».

В трех предыдущих номерах рассказывалось о появлении НЛО и бывшего Вождя народов Советского Союза в загородной, недоступной для посторонних зоне, где находится гостевой дом обкома партии, о реакции секретаря обкома на «визит из прошлого» — ведь с «того света» до сих пор никто не возвращался, о его тревожных раздумьях, связанных как с обстановкой в нашей стране, так и с необычным известием о более чем странной «судьбе» Иосифа Виссарионовича после его предполагаемой смерти и «похорон» в 1953 году.

В предлагаемых ниже фрагментах пойдет речь о том, как товарищу Сталину удалось «обвести вокруг пальца» народы Советского Союза и избежать смерти, о том, что думает по этому поводу секретарь обкома, чего опасается и на что надеется, если вождь снова возвращается в свои руки бразды правления разваливающейся державой.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОСТЕВОМ ДОМЕ

Не хвали того, чего не вправе ругать

Старая мудрость

Разные люди по разному смотрят на одно и то же явление

«Собеседник»

Теперь, когда я нахожусь в психиатрической клинике и, по совету Матсона-Ганопольского, записываю свои растрепанные мысли, вызванные тем, что произошло в ту тревожную ночь и, таким образом, как бы прохожу курс лечения психоланалистом / сейчас эта мода пришла из-за рубежа и к нам/, передо мной иногда встает вопрос: уже не привиделась ли мне встреча с отошедшим в царство мертвых товарищем Сталиным, не самогипноз ли это, или, как говорят специалисты, «реализация подсознательных желаний», «ощущение присутствия», при котором восприятия подсознательно естественны, что случается у иных и с перепою (неужели все-таки в тот вечер я не рассчитал своих сил), а если это так, то не является ли чудно пригревшееся неким знамением, знаком грядущих перемен, которых народ ждет с нетерпением, о чем говорил и Давид, склоняя меня к работе над этими записками. Но в знамения я тоже не верю, а поэтому мне чаще кажется произошедшее со мной реальностью, которая требует пояснения. А его-то я пока и не нахожу. Когда я посетовал на это Матсону-Ганопольскому, он успокоил меня, заметив, что мир полон сигналов, знаков, загадок, и для разгадки их мы и созданы природой.

Повторяю, я, как и все, кто когда либо общался с товарищем Сталиным, испытывал, встретившись с ним, что называется, «люб в люб», непреодолимый, леденящий душу страх, смятение, и одновременно воззвышенную взволнованность и тайную радость, даже ликование, какие испытывают верующие перед Божественным видением. И тут, мне думается, имеет место не просто слепое почитание вождя, а какая-то необходимость внутренней телепатической связи с этим необыкновенным человеком. Когда товарищ Сталин был с

нами, в нем, конечно же, все или почти все видели покровителя, защитника, отца и спасителя, да, спасителя, потому что всем хочется опереться на крепкую руку, особенно в смутное время, когда все вокруг так зыбко и неопределенно и нет стабильности. Не потому ли товарищ Сталин и воспринимался многими как Божество, которому подвластно само проявление. А такому человеку не трудно подчинить себе других, даже поработить, что и происходило во времена всех культов и во всех странах. Особо приближенным к такому Божеству тоже бывает выгодно. Пользуясь определенными преимуществами, они ловко манипулируют сознанием простых людей. Увы, теперь нет таких авторитетных людей, как Иосиф Виссарионович, и нам трудно руководить народом, который, под воздействием западной пропаганды, разуверившись во всех и вся, бредет, сам не зная куда, не имеет цели и маяка впереди, светившего нам раньше. Да, сейчас всем так беспокойно, налицо духовный кризис общества. Народу нужен поводырь. И вот он, кажется, снова появился...

Как же разбудить гостя? И вдруг меня осенило. В тридцатых годах по радио можно было часто услышать любимую песню Иосифа Виссарионовича «Сулико». Ее вся страна пела. Мне она нравилась. Я и теперь иногда ставлю пластинку с этой песней на проигрыватель. И, может, потому отыскать ее в нашей фонотеке и врубить не составило труда. И вот, когда послышались знакомые мелодия и слова

Долго я бродил среди скал,
Я могилу милой искал,
Но ее найти нелегко,
Где же ты, моя Сулико?

Товарищ Сталин открыл глаза. Лицо его разгладилось / мне показалось, что даже рябинок стало меньше/ и усатая губа шевельнулась в улыбке. Он прослушал песню до конца и сказал с явным удовлетворением:

— Это хорошо, товарищ Подкидной. Тронут и польщен. Благодарю за внимание. И усердие. Я так давно не слышал этой прекрасной мелодии.

— Служу Советскому Союзу, — может, не совсем впопад, по солдатски громко ответил я. Но Иосифу Виссарионовичу и это понравилось.

— Однако, что же не растапливает камин? — спросил он, поднимаясь с кресла.

— Не хотелось беспокоить Вас, товарищ Сталин, — сказал я.

— Сейчас все сделаю в лучшем виде. — Я поймал себя на том, что говорю словами своего шоferа и негласного телохранителя Яши Кобелова, который все делал для меня «в лучшем виде».

Пока я возился с дровами в камине, складывая пирамиду, чтобы поджечь, Иосиф Виссарионович оглядывал убранство холла, останавливая глаза на отдельных предметах интерьера с обитой кожей мягкой импортной мебелью, картинами на стенах. Вдруг спросил, слегка прищурившись:

— Это что, теперь ваш дом?

— Всего лишь дом для приемов высоких гостей. Был реставрирован с надеждой, что и Вы посетите наш город и остановитесь в нем. А до революции принадлежал архиерею. Теперь им иногда пользуется партийная номенклатура.

— Хорошо отреставрировали. Даже слишком, — сказал Иосиф Виссарионович. — А до архиерея он являлся собственностью одного чудака, алхимика, который пытался вывести гомункулуса в пробирке и добиться из свинца золото...

— Значит, вы на самом деле бывали здесь? — вырвалось у меня.

— Да, — ответил он. — А потом тут разместились коммунары, решившие построить коммунизм в одной маленькой ячейке. А потом? — он вопросительно посмотрел на меня с прищуром.

— Вот потом-то мы его и переделали.

— И от старого строения мало что осталось.

В медленных интонациях глухового голоса товарища Сталина мне почудились нотки осуждения: дескать, не по рангу отыхаем. Ведь сам он, судя по рассказам его соратников и дочери Светланы, жил в казенной строгости и приучал к этому домочадцев, был не-прихотлив в быту. Впрочем, это не мешало иметь ему только под Москвой четыре дачи: в Зубалово, в Кунцево, в Липках и Семеновской. Были у него дачи и на юге: недалеко от Мацесты / где он принимал ванны от ревматизма/, в Сухуми, в Новом Афоне, на Рище и на Валдае... Ну, да все они относились к числу казенных, и были, в сравнении с нашим обкомовским особняком, довольно скромными, даже просто примитивными по своей архитектуре и убранству. И бывал Иосиф Виссарионович там нечасто, только Ближняя дача — в Кунцево — служила ему постоянным пристанищем. Кстати, тот небольшой двухэтажный дом, расположенный в лесном массиве, и сейчас содержитя в образцовом порядке. Он, как сообщалось в печати, до сих пор продолжает оставаться «секретным объектом», куда вход посторонним воспрещен. Там семь комнат: пять — на первом этаже / в их числе и зал заседаний/ и две гостевые — наверху. Сохранилась и мебель той поры, а некоторые вещи товарища Сталина перекочевали в музей В.И.Ленина и Революции. Так что, если бы вождь пожелал поселиться в своей прежней обители, к его услугам почти все оказалось бы, как раньше, кроме obsługi.

Сохранился даже бронированный «Паккард», подаренный Иосифу Виссарионовичу Рузвельтом. Вождь разъезжал на этой машине с двенадцатицилиндровым двигателем мощностью в сто лошадиных сил до конца войны, затем пересел на ЗИС. Я видел ту машину уже после смерти вождя, то есть его двойника — на Волхонке, в Пушкинском музее, где находилась выставка подарков Иосифу Виссарионовичу. Кузов этого уникального автомобиля, сделанного в 1936 году на семь посадочных мест, был бронирован, многослойные стекла толщиной 75 мм не пробивала пуля. Для их подъема и спуска применялись специальные домкраты. Мне даже довелось по-

сидеть в этом лимузине. Впечатление было такое, словно находишься в батискафе. Ни звука не доходило до меня. Как-то не по себе стало, и я поспешил вылезти из машины.

А сейчас и не такие «членовозы» делают для властителей и финансовых воротил. В них они чувствуют себя в безопасности при нападении бандитов или террористов, вооруженных автоматическим оружием, гранатами и минометами.

И дачи у нынешних правителей и бизнесменов — не чета стalinским дачам.

А у нынешнего Генерального секретаря ЦК КПСС, президента Горбачева, в Крыму около черноморской бухты Фороса вообще не-вообразимо сказочный трехэтажный / не считая цокольного этажа/ дворец с расположенными неподалеку аэродромами Бельбек и Гудаута для приема самых современных самолетов днем и ночью и в любую погоду, реконструкция которых обошлась в шесть миллионов рублей по тем ценам. А на строительство всего комплекса для руководителя страны израсходовано пятьдесят миллионов рублей.

В печати сообщалось, что «лучшие специалисты вооруженных сил», в среднем четыре тысячи человек, не покладая рук, круглосуточно трудились здесь. Военными самолетами доставлялись самые лучшие импортные и отечественные стройматериалы, использовались новейшие технологии...

Возводенный комплекс поражает воображение. Это не дача, а шикарный современный дворец, столовые, кухни, спальни, другие комнаты различного назначения обставлены суперсовременным оборудованием. Облицовочный, отделочный материал, столярка поставлялись из-за рубежа... Вершина всего — спальни. Кто видел, говорят, сказка. Впрочем, и ванная площадью около двадцати квадратных метров, выложенная узорчатым германским кафелем, оставляет такое же впечатление.

Нашлось место, естественно, для бассейна, сауны... Вспомогательный корпус на две стаи, где разместились охрана и технический персонал. По своим удобствам и комфорту апартаменты ни в чем не уступают минским гостиницам «Планета» и «Юбилейная». На лужайке, как полагается, разместились великолепно оборудованные спортивные площадки. Продумано и построено было все, включая гаражи, пристань и вертолетную стоянку. Содержимое продовольственного склада позволяет выдержать любую блокаду, а узел спутниковой связи — оперативно связаться с любой точкой планеты.

В этой же статье Анатолия Зельдина из «Советской Белоруссии» говорится, что автор «узнал совершенно неожиданные сведения о Буше и Валенце, Шамиле и Миттеране. Оказывается, эти главы правительства очень скромны в своей личной жизни. А это не может не вызывать уважения...».

«Особый разговор об охране дачи в Форосе, — говорится в статье. — Ограждение, патрулирование всего участка, а это около трех квадратных километров, наложены самым тщательным образом. По периметру дачи установлены более четырехсот телекамер, то есть просматривается каждый клочок земли».

Товарищу Сталину такое даже присниться не могло. Да он бы и не позволил такое транжириство народных средств.

Этот сказочный дворец можно было бы назвать очередным чудом света. Он был возведен Управлением Черноморского флота и Главным строительным управлением Министерства обороны СССР. «Да, — замечает автор в конце статьи, — каждый хотел выслушаться, добиться расположения, а каким путем — это неважно». А от себя в связи с этой статьей приведу такой факт. В свое время, в бытность верховодства кукурузного Хрущева мне довелось отдохнуть на бывшей даче товарища Сталина под Мацестой. Это было очень скромное двухэтажное здание с ванной комнатой на первом этаже, похожей на каморку для прислуги, где сама ванна была из серого невзрачного камня, углубленная в пол для того, чтобы легче было в нее залезть стареющему вождю с больными ногами. Убожество необыкновенное. И это на даче Иосифа Виссарионовича.

Непомерные аппетиты / очень мягкое выражение/ нашего Генсека и президента не раз отмечали и зарубежные издания. Выходящая в Дюссельдорфе независимая внепартийная газета «Бильд» сообщала, что Горбачев купил Райнс Максимовне в качестве рождественского подарка дворец для проведения отпусков на теплых Ка-

нарских островах за пять миллионов немецких марок. Так ли это на самом деле — не знаю. Но ведь дыма без огня не бывает.

Однако, опять я отвлекся, подхваченный неуемным потоком сознания, не лишенного внутренних противоречий и предвзятостей в оценках тех или иных событий и людей в силу моего возраста и настроя. Матсон-Ганопольский мою бессвязность речи называет «скаккой мыслей» и усматривает в этом механизм психической защищины от депрессивных переживаний.

— Теперь другие времена, товарищ Сталин. И то, что при вас разрешалось только членам правительства, да и то ограниченно, уже могут позволить себе секретари обкомов и горкомов, — сказал я в оправдание той роскоши, с какой был обставлен наш особняк. — И вообще народ нынче живет в более хороших условиях. Ведь наша страна больше не воюет, и мы можем позволить себе какую-то часть военного бюджета тратить на бытовые нужды людей. А здесь, к тому же, приходится принимать иностранцев. Они должны знать, что мы относимся не нищенством. И сделано тут все ради политического престижа социалистического строя.

Кажется, мои слова понравились Иосифу Виссарионовичу.

— Вот и нынче мы принимаем здесь японского коммерсанта с супругой. Предполагается выгодная сделка для нашей страны, — продолжал я, подумав тут же, как бы эта самая «супруга», освободившись от амурных дел с Кобелевым / ее патрон дрих из задних ног/, не пожаловала сюда в своем полуоголом одеянии. Вышел бы натуралистический конфуз. И это могло бы рассердить товарища Сталина, чего мне очень не хотелось. Нет, надо все-таки освобождаться от похотливого Кобелева и сделать все, чтобы эта Лиза не вернулась в Союз обратно. У нас своих проституток сталоavalом.

— О какой сделке речь? — спросил товарищ Сталин.

— Будем открывать совместное предприятие.

Иосиф Виссарионович нахмурился. И я сказал:

— Вообще-то народ против такого рода сотрудничества и не хочет, чтобы нашими предприятиями завладели чужестранцы, не хочет быть рабами у толстосумов. Но есть указания сверху. И мы должны подчиняться. Централизм.

— Тут нечто другое. И это настораживает, — заметил товарищ Сталин.

— Нынешние прорабы перестройки считают, что инвестиции принесут материальные блага народу, — сказал я.

— И признают его. Надо самим подниматься с колен и засучивать рукава, а не надеяться на доброго дядю из-за рубежа. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Что же касается некоторого разрыва в благах, то он, видимо, неминуем и в век социализма. Каждому по труду.

— Да, это записано в Конституции 1936 года, которую по праву называли Сталинской — сказал я, желая польстить Иосифу Виссарионовичу. Однако умолчал о том, что в Конституции 1977 года, времен Брежнева, это положение «каждому по труду» дополнено фразой: «Государство осуществляет контроль за мерой труда», что ограничивало возможности и желания трудящихся работать с засученными рукавами и приводило к некой уравниловке, а нередко к апатии и застою. Люди не хотели выкладываться на работе не за здорово живешь.

Да, тогда мы называли Конституцию Сталинской. И в ней было записано черным по белому, что каждый гражданин Страны Советов имеет право на труд, на отдых, на бесплатное образование и медицинское обеспечение, на пенсию.

И мы пели:

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет.

А что теперь? Тысячи и тысячи безработных, которых уволили из развалившихся предприятий и учреждений. Молодые, полные сил люди, хорошие специалисты самых разных профилей, ученые экстракласса вынуждены заниматься черт-те чем, лишь бы не остаться без куска хлеба, чаще зарабатывают деньги на перепродаже товаров, а точнее — спекуляцией, за что еще совсем недавно можно было схлопотать срок (теперь это называется бизнесом). Многие из них были вынуждены уехать за рубеж, где их тоже мало что хо-

рошего ждало. Там они становятся людьми второго сорта и чаще используются на подсобных работах.

Ограбленные правительством старики едва сводят концы с концами, довольствуясь самым скучным питанием, а о покупках новых вещей им и мечтать не приходится, донашаивают старое. И с ужасом думают о том, как их будут хоронить, ведь ритуальные услуги теперь невероятно дороги. Неужели в целлофановых пакетах? О каком тут почете для старииков может идти речь?

Ну, а отдохнуть теперь на курортах и в санаториях могут позволить себе только состоятельные люди.

— Что касается привилегий, то от них можно и не отказываться, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Но всему должен быть разумный предел. Зачем человеку золотые унитазы, которые устанавливают миллиардеры, не зная, куда девать деньги. Мы, как известно, уже после денежной реформы сорок седьмого отменили даже бесплатное содержание членов Политбюро. Они, как и все граждане, стали получать заработную плату. И весьма умеренную. Народ должен питать безграничное доверие к руководителям.

— Совершенно верно, — тут же согласился я. — Но здесь никто не живет. И все блага этого дома, как я уже сказал, предназначены для гостей. А гостей в России всегда встречают всем лучшим, что есть у хозяев. Это — черта русского народа. Вы тоже не жалели средств, устраивая приемы,

— Правительственные приемы, — уточнил товарищ Сталин. — По случаю знаменательных дат или больших свершений в стране. А также тогда, когда приезжали высокие гости для налаживания деловых и политических контактов.

А я в ту минуту вспомнил о застольях на даче вождя / об этом тоже писали его соратники и дочь Светлана в своих книгах / и, чтобы перевести разговор на другое, предложил Иосифу Виссарионовичу перекусить с дороги (чем Бог послал). А послал он достаточно, чтобы удовлетворить аппетит дорого гостя.

Мне, все-таки, трудно было свыкнуться с мыслью, что общаясь с человеком во плоти, настоящим живым товарищем Сталиным, которому свойственны все естественные отправления, а не каким-то странным, неведомым мне существом, воплощенным в его образ с помощью таинственных сил, и не с какой-то имитацией, мнимостью, проекцией, химерой и нежитью, о которых в последнее время так много говорят и пишут. И не с полтерgeistом. А поэтому в моем предложении «перекусить» была и тайная надежда выяснить, способен ли гость, как все смертные, есть и пить.

— Можно и перекусить, — согласился он, приблизившись к картине, висевшей над камином. На ней были изображены обнаженные женщины с ядренными ляжками и пышными грудями на берегу моря в эротических позах. Они как бы обнимали волны, отдаваясь им и находясь в экстазе. Мы повесили это полотно перед приездом иностранного гостя, взяв ее из запасников нашего музея / думали, пожалует француз, а эти лягушатники любят подобного рода изображения/. Хотелось показать, что нам, россиянам, ничто человеческое не чуждо, и в Советском Союзе секс тоже есть. Но и японцу картина понравилась. Более того, он усмотрел схожесть одной из купальщиц со своей длинноногой секретаршей и выразил желание купить это полотно или обменять на что-то не меее стоящее.

Я обещал проконсультироваться с вышестоящим, компетентным в искусстве, руководством, хотя у меня лично эта картина не вызывала особых эмоций, казалась слишком натуралистичной. В наших запасниках таких было немало, они попали туда из частных коллекций, которые мы конфисковали у «стяжателей», и во время таможенных досмотров у туристов, которые собирались вывезти их за рубеж. Одну из таких картин известного художника-передвижника я взял себе домой, она была весьма благопристойной.

Как ни странно, а картина товарища Сталина, вроде бы, тоже заинтересовалась и тогда, отправляясь за снедью на кухню, я невольно вспомнил рассказ в свое время приближенного к Иосифу Виссарионовичу того же Фельдмана-Орлова о том, что наш вождь обожал порнографические картинки. Для него их, будто бы, специально доставали за рубежом. Но это было так давно и, скорее всего, неправда. Изменники Родины готовы на все, чтобы опровергнуть нашего вождя. А если бы даже подобное и происходило, у кого из нас — му-

жиков — нет грехов молодости по этой части. Все мы заглядывались, да и теперь заглядываемся, на красивое женское тело. Такова, видимо, мужская сущность. И не случайно на обложках многих журналов для привлечения внимания к этим изданиям с целью продажи помещают фотографии полуоголых, а то и в чем мать родила, красавок в эротических позах.

Но мне было известно, что Иосиф Виссарионович всячески пресекал в нашей стране «голизм» и «обнаженку» можно было увидеть только в картинах галереях и музеях на полотнах старых мастеров. А на всеобщие обозрения в городских парках, скверах и на площадях выставлялись гипсовые «девушки с веслом» и «дискометчицы» в трико, ныряющие в воду спортсменки в купальниках. И вообще в сталинские времена не было такой распущенности нравов, какая наблюдается теперь и в искусстве, и в жизни.

Да что говорить: нынче самих правителей можно увидеть на фотографиях, которые помещаются в газетах и журналах, в неглиже, а то и без... Кстати, зрелище далеко не эстетическое. Обрюзгшие лица с двойными подбородками, отвислые животы. Их образы не внушают уважения. Глядя на них, люди говорят: «Какие хари нахри на дармовых харчах». Товарищ Сталин никогда не позволял себе разоблачаться перед фотографами. И правильно.

Я вынул из морозильника ранее приготовленные для гостей цыплят табака /кстати, любимое кушанье товарища Сталина/, поставил в микроволновую печь, спустился в погребок и взял с полки пару бутылок вина /«Кахетинское» и «Киндзмараули»/, опять же обожаемые Иосифом Виссарионовичем, как об этом писали и те, кому доводилось с ним бражничать. Мне-то нравились более крепкие настойки.

Я не спешил с возвращением в холл, потому что продолжал чувствовать непривычную скованность в присутствии вождя. Почему-то пришло на память, что многие деловые вопросы товарищ Сталин решал за обедами, которые обычно начинались в десять вечера, а кончались часто на рассвете, причем некоторых участников обедов, если верить печати, будто бы под утро брали люди из НКВД, чтобы изолировать от общества, а то и «пустить в распыл».

Может, и меня ждет такая жечасть, — почему-то мелькнуло в моей голове, но я тут же отогнал эту вздорную мысль, — не те теперь времена. Даже опального Никиту-кукурузника не тронули, сместив его с престола за творимые им безобразия.

Я знал, что, если это настоящий Сталин, в чем я уже почти не сомневался, хотя и не представлял, как он мог обвести всех вокруг пальца и оставаться здоровым и невредимым, то его-то самого невозможно перехитрить, но, тем не менее, не отказался от попытки сделать это. Мне хотелось зафиксировать его голос на магнитофонную кассету, как это иногда я делал здесь втайне от других, «фиксируя» голоса посетителей, чтобы узнать, о чем они говорили без меня, и иметь нужную информацию. Это, кстати, я тоже позаимствовал у Иосифа Виссарионовича, который, по описанию некоторых мемуаристов, подслушивал разговоры членов Политбюро с помощью секретной аппаратуры.

Я не был уверен, что товарищ Сталин согласится на запись разговоров с ним, а поэтому действовал крайне осторожно. Поставив пищу на стол, я пошел за бокалами и, доставая их, незаметно включил кнопку магнитофона, который был встроен в стенку. Запись началась.

— Что это? — спросил Иосиф Виссарионович, показывая на пластмассовую бутылку, и нахмурил брови.

— Это? Это — просто запивка.

По досадной оплошности я поставил на стол вместе с винами бутылку кока-колы, которая «прописалась» у нас после открытия первой американской выставки в Сокольниках при Хрущеве, правда, тогда она еще имелась далеко не везде, и мы эту чертову кокаколу, раздобыли в аэропорту, через который совершались рейсы в Европу, для иностранного гостя, и он ее пил охотно, а мы — не очень, только из солидарности, потому что она отдавала привкусом керосина.

— Запивка, — товарищ Сталин поморщился. — А что, в нашей стране нет более достойной запивки? Думаю, даже русский квас превзойдет американскую дрянь.

— Извините, но квас у нас уже давно не выпускается. Люди охладели к нему, — тут я, конечно, слукавил.

— А морсы, лимонады, нарзаны, боржоми, соки... Или вы и к нам охладели?

Я не знал, что ответить на это. При Горбачеве они почему-то исчезли с прилавков магазинов, как, впрочем, и алкогольные напитки, и многое другое. Люди простоявали днями, чтобы получить по талону бутылку водки. Ее даже стали называть «жидкой валютой».

— Как же живуче преклонение перед Западом, — покачал головой Иосиф Виссарионович. — Он не стоит того с его сомнительным ценностями, которые всегда так активно навязывал нам во всех сферах.

— Итак... — сказал я, поднимая бокал и стремясь снова перевести разговор на другие рельсы. И не знал, что сказать. Слова-то у меня какие-то появились, но я не был уверен, что смогу выразить суть столь торжественного момента. Мне трудно было говорить, от волнения спирало грудь. А выпить надо было. Бокал вина помог бы расслабиться и снять напряжение.

— Итак, за встречу, — вторил мне Иосиф Виссарионович. — За встречу на нашей прекрасной Земле!

Я замтил, что он притронулся к еде только после того, как это сделал я, поймав себя на том, что напрочь потерял чувство вкуса. Если бы мне завязали глаза, я бы даже не смог сказать, что положил в рот, и глотал, почти не жуя, челюсти меня плохо слушались.

То, что он не стал есть первым, еще больше меня утвердило в натуральности Сталина. Многие говорили и писали, будто вследствие своей чрезмерной осторожности, он заставлял повара пробовать пищу, которая предназначалась для него.

Да, выходило, мы действительно хоронили не настоящего вождя, а настоящего взяли инопланетяне, как, по утверждению некоторых, в наше время берут простых смертных. И, если это так, то как понимать возвращение Иосифа Виссарионовича на нашу «прекрасную Землю»? И зачем? И надолго ли?

Я боялся думать об этом и не думать не мог, равно как представить, что он вдруг снова встанет у руля нашего многострадального государства. Теперь это было бы величайшей несุзрастностью для многих миллионов людей, которые уже не хотят жить так, как жили при товарище Сталине, с постоянной оглядкой и постоянными ограничениями, хотя я и понимал, что нашему больному обществу нужен сейчас твердый человек, способный навести порядок в стране.

А он словно прочитал мои мысли, сказав:

— Мне стало известно, что без меня вы тут наломали дров. Не так ли?

— Наломали, товарищ Сталин, — согласился я, съежившись под его взглядом «глаза в глаза». И тут же подумал: как он мог об этом узнать?

— Воистину, слепые котята.

Я вздрогнул. Ведь такое определение, по словам Хрущева, Сталин, а вернее, уже его дублер, незадолго до своей смерти дал и своим близким соратникам, которые уже тогда стали отходить от внедряемых им предписаний о том, как надо жить.

Сделав глоток-другой, Иосиф Виссарионович вытер усы и откинулся на спинку кресла, достал трубку и стал набивать ее табаком от папирос, которые я принес. Правда, папиросы не были его любимыми /«Герцеговина Флор»/, — их давно уже не выпускали наши табачные фабрики. Однако курить товарищ Сталин не стал. Возможно, у него осталась привычка держать в руках трубку. В задумчивости повертел ее в руках, а потом вдруг сказал с усмешкой:

— Вы, товарищ Подкидной, конечно, горите нетерпением узнатъ, каким образом я оказался жив-здоров и вот сижу перед вами. И зачем. Не так ли?

— Признаться, меня это очень волнует. И я теряюсь в догадках, — пролепетал я, почти окончательно убедившись, что перед мной сидел настоящий товарищ Сталин, а не подобие его, не какое-то там эфирное тело из astralного мира, не упирь и не оборотень из царства мертвых, о которых не раз заводил разговор Матсон-Ганопольский, занимавшийся, как я уже говорил, парапсихологическими исследованиями и не сущность из других, неведомых нам параллельных или космических миров и гиперсфер. Не относился он

и к зомби — к этим ходячим «мертвякам», которые передвигаются, словно заведенные механические куклы, и смотрят на мир бессознательно, пустыми глазами, никогда не отвечая на вопросы. О человеке, который сидел напротив меня, этого нельзя было сказать. У него проявлялась прекрасная реакция на все окружающее.

Правда, появились у нас зомби и другого плана, созданные из живых и здравствующих людей, о чем можно узнать из статьи болгарского академика Тодора Дичева, который обвинил Джуну, Кашировского и Чумака в «зомбировании» народа нашей страны на уровне экстрасенсорного и психоэнергетического воздействия. В Москве после его статьи даже появились платные курсы по «раззомбированию населения».

Писали, что и Меченный был зомбирован в Америке и теперь танцует под заокеанскую дудку. Без совета Рейгана или Тэтчер шагу не может сделать. И государство наше разваливает по их указанию, получая за это миллионы долларов в виде гонораров за издаваемые за рубежом книги и всяких премий, которыми его награждали там за предательство.

Однако, нельзя было исключить и того, что напротив меня сидел какой-то биологический робот, сделанный инопланетянами с неизмеримо более высокой, чем на Земле, цивилизацией. И в голове у него находится искусственный мозг, где, как в компьютере, собрана вся информация о некогда жившем Сталине и его окружении, о нашей истории и т.д. и т.п. Ведь даже земляне уже научились создавать аппараты, которые в тысячи и миллионы раз быстрее человека решают определенные, нужные людям, задачи и обладают неизмеримо высокой, по сравнению с человеческой, памятью, что позволяет управлять спутниками и космическими кораблями.

— Товарищ Подкидной, мне понятно ваше недоумение. И придется, как говорится, приоткрыть завесу...

Я весь превратился в слух, следимый желанием как можно быстрее узнать, с кем же, в сущности, я имею счастье или несчастье общаться.

— О том, как ко мне относился народ Советского Союза, всем было известно, — сказал товарищ Сталин. — Кое-кому я был костью в горле, да и сейчас, думаю, немало найдется таких, кто готов плясать на моих костях. Не так ли?

И плащут уже вовсю, — подумал я, сказав Иосифу Виссарионовичу, что врагов народа я не считаю за людей. Кто не с нами, тот против нас. И я готов с ними бороться до победного.

— Правильно, — заметил вождь, — но речь о людях с потайным дном. О злонамеренных лицемерах, двурушниках, прихвостнях, действующих тихой сапой в пользу враждебных нашему строю стран. С ними бороться трудно, и нужна особая бдительность. И изворотливость. И хватка. И ум. И знание тайных пружин противника.

Сталин сделал паузу, как бы раздумывая, продолжать ему этот разговор или нет.

— К таковым, кстати, я относил и Лаврентия Берия, — наконец, сказал он. — Моя покойная жена, Надежда Аллилуева, и все, кто тогда был близок к нашему окружению, ненавидели его и боялись. Не зря она устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого неголя не было у нас в доме. Только позже я понял, как коварен человек, которого я защищал и который исхитрился уничтожить многих, даже из нашей семьи, а также моих соратников по строительству социализма. Должен признаться: при всей своей кажущейся независимости от кого-либо я тоже не был полностью свободен. И моя несвобода с каждым годом увеличивалась.

Помолчав немного, он добавил, как бы в оправдание своего тестового контакта с Берия:

— Но он был нужен тогда. Это благодаря ему мы в кратчайшие сроки развернули атомную промышленность и создали атомную бомбу, что позволило нам сравняться с Америкой, пытавшейся поставить нас на колени. Не вышло!

Иосиф Виссарионович снова замолчал, слегка прищурился, точно вспомнил что-то неприятное. А я подумал: все люди одинаковы: стремятся обелить себя, выгородить, свалить вину на других. И только единицы способны покаяться и признаться в своей неправоте.

Пришли на память слова дочери Сталина, которая в своей кни-

ге «Двадцать писем к другу», как бы в оправдание отца, писала: «При всей своей всевластности он был бессилен против ужасающей системы, выросшей вокруг него как гигантские соты — и он не мог ни сломать ее, ни, хотя бы, проконтролировать...». Есть у Светланы и более резкие, осуждающие отца слова: «Он всюду видел врагов. Это было уже патологией. Это была мания преследования от опустошения, от одиночества».

Ее заявления не лишены правды. И все-таки она зря так категорично об отце. У всех в старости развивается склероз, возникают какие-то фобии, и надо сделать скидку на годы нелегкой жизни вождя. Одних ссылок сколько пережил при царе. И каждый побег оттуда был сопряжен со смертельной опасностью. Да и при советской власти враги подстерегали его на каждом шагу. И можно понять опасения Иосифа Виссарионовича за свою жизнь. Его могли изолировать, отстранить от власти, посягнуть на его жизнь. Да и посягали неоднократно, что не прибавляло вождю здоровья и оптимизма.

Впрочем, Иосиф Виссарионович и сам иногда тяготился властью и ставил вопрос перед Политбюро о том, чтобы его освободили от занимаемых постов. Но его соратники просили оставаться. Товарищ Сталин нужен был советскому народу как немеркнущий символ. «Имя Сталина стояло рядом с Родиной в ряду» / А.Твардовский/.

А когда Иосифа Виссарионовича не стало, приверженцы и клеветы Хрущева, Брежнева, да и Горбачева, подхалимствуя и заносчивая перед новыми вождями, хотели возвысить их за счет принижения товарища Сталина. Но это воспринималось народом как нечто смехотворное и у многих вызывало неприятие.

— Вопрос стоял ребром: или я уберу Лаврентия, или он уберет меня, — сказал товарищ Сталин. — Однако, это оказалось непросто, ведь у него была большая власть и всюду расставлены свои люди, готовые на все, в том числе и на то, чтобы устранить меня, ждали подходящего случая...

Сталин снова прервал свой рассказ, положил себе на тарелку кусочек цыпленка, стал есть, пережевывая пищу медленно, то и дело как бы замирая, словно прислушивался к чему-то. Его все-таки что-то беспокоило. Возможно, он улавливал работу ленточно-протяжного механизма магнитофона, который записывал его речь, или ощущал какую-то вибрацию под ногами, о чем говорили некоторые посетители дома, и которую я никогда не замечал. А может, это раздражали Кобелов и Луиза в подвале, он ведь был неустомимым в любовных делах, а ей, как видно, этого только и хотелось.

И тут почему-то в моей памяти всплыла на мгновение напечатанная во многих газетах информация о том, что уже в наши дни при ремонте квартир, некогда принадлежавших вождю, под полом его кабинета обнаружили помещение для подслушивания, оборванные провода. За Иосифом Виссарионовичем велась слежка / тогда все следили друг за другом/. Кто этим занимался, догадаться не трудно. Но определенно никто ничего не знает. Во всяком случае, мне неизвестно, были ли по этому поводу расследования. Может, в каких-то секретных документах это и зафиксировано.

Но за товарищем Сталиным не только следили берневские ищейки, на него, как я уже говорил, охотились и из-за «бугра», и он вынужден был вести себя крайне осторожно и беспокоиться за свою жизнь.

Думали ли вождь о смерти? Мне не известно. Но однажды он сказал Де Голлю: «В конце концов, смерть всегда оказывается победительницей...»

Да, очень печальные слова, и с ними нельзя не согласиться.

И тут, вроде бы, без особого перехода товарищ Сталин сказал о том, что о смерти нельзя не помнить, но ее надо держать от себя на дистанции, чтобы в любое время можно было нанести ей упреждающий удар.

— Кто предостережен, тот вооружен.

Однако, хотим мы того или нет, а дистанция сокращается, и конец неизбежен, — подумал я.

Мне уже доводилось слышать разные версии о смерти товарища Сталина. Об этом писала и его дочь в «Книге для внучек». Говорила, что, когда Сталина не стало, его сын «был в ужасе — он был уверен, что отца отравили», убили. Обвиняя правительство, врачей, всех, кого возможно, что не так лечили, не так хоронили.

Это, кстати, сказал мне и сам Василий Иосифович при первой и последней встрече с ним в Казани, за рюмкой водки, где я оказался по делам и напросился в гости к опальному сыну вождя, которого выслали из Москвы за его дебоширство, чтобы не маячил перед глазами правителей и не резал правду-матку...

Антисталинские руководители ЦК сделали все возможное, чтобы вождь умер. Об этом можно было узнать и из рассказа Ильи Эренбурга французскому философу и писателю Жан-Полю Сартру, затем — из выступления за границей бывшего члена Президиума ЦК КПСС и Секретаря ЦК КПСС, а потом посла СССР в Голландии, а позже — из воспоминаний самого Хрущева, где были освещены некоторые подробности смерти Иосифа Виссарионовича, что послужило поводом для утверждения в немецком журнале «Шпигель»: «Целый ряд улик говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью, как нас в свое время хотели уверить официальные сообщения».

Я, как и другие номенклатурные лица, имел возможность знакомиться с выходящей на Западе и недозволенной у нас для широкого круга читателей литературой, которая перепечатывалась по заданию ЦК КПСС для партийной и государственной элиты. В числе этой продукции были и одиозные книги эмигрировавшего из СССР в 1943 году чеченца Абдурахмана Авторханова «Технология власти», «Загадка смерти Сталина / заговор Берия/».

Он писал, что загадочная смерть Сталина последовала, вероятно, вследствие заговора четверки / Берия, Малenkova, Хрущева, Булганина /, что можно предположить из официального сообщения народа о ложном месте смерти Иосифа Виссарионовича: «Сталин умер в Москве на своей квартире...». Авторханов заметил также: «К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия.

С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских «врачей-заговорщиков»: ведь обвинение всей сети верховых органов Госбезопасности в попустительстве заговорщикам было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того, как лишить Сталина его собственной головы.

Вот так был организован беспримерный по трудности, но и блестящий по технике исполнения, заговор Берия против Сталина. Организатор заговора доказал, что он превзошел Сталина в том, в чем последний считал себя корифеем: в искусстве организации политических убийц!».

Нет, не превзошел, — подумал я не без удовлетворения, глядя на живого и невредимого вождя всех народов, которого оказался в опале Берия пытался умертвить, и, как ему казалось, достиг своей цели.

— И после Вашего ухода мы ни на минуту не забывали о Вас, — сказал я Иосифу Виссарионовичу, даже позволил себе повторить вслух стихи:

*Трудно жить без Сталина на свете,
Но великий гений не углас!
Сталин вновь из вечного бессмертия
Учит нас и направляет нас.*

Гостю понравились стихи. И он заговорил:

— В сорок девятом мне исполнилось семьдесят. Весь народ отмечал мой юбилей. Подарки шли со всех стран мира. В залах Третьяковской галереи открылась выставка «И.В.Сталин в изобразительном искусстве». Сам я на ней не был, но картины увидел в первом номере журнала «Искусство» за 1950 год, видел себя. Конечно, художники листили, изображая меня, и в «Утре нашей Родины», и в «У гроба соратника». Пожалуй, больше всех тут пострадал товарищ Налбандян. Конечно, Вы знаете такого?

— Еще бы. Народный художник. Член Академии художников СССР.

Его картины выставлялись в Третьяковке.

Мне тут же припомнилась одна из выставок другого народного

художника, Ильи Глазунова, на которой был куратором этот самый Налбандян. «За такие картины расстреливать, понимаешь, надо. «Сталин в море крови», — отозвался он о творчестве Глазунова. — «Кто так Ленина рисует?... А эта Голда Мейер... Что за сионизм, понимаешь? А почему Христос выше всех?»

— Мы с ним не встречались ни разу, разве только на приемах он мог видеть меня, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Както от Ягоды я узнал, что Налбандян взялся написать картину «Сталин, Ворошилов и Киров на Беломорканале». Ездил на стройку по направлению товарища Ярославского / Минея Губельмана /. Я не позировал художнику, он, однако, вышел из положения, отыскал на площади Ногина натурщика — грузина, который был похож на меня. Начальник охраны — Власик — дал художнику мой костюм и сапоги. Потом с этой картины было много репродукций. Все это отпечаталось в моей памяти и впоследствии натолкнуло на счастливую мысль, которая захватила мое воображение и послужила толчком к определенным действиям, о чем скажу попозже...

Помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, Иосиф Виссарионович продолжал с грустью в голосе:

— Так вот, смотрел я на картины, на свое отражение в зеркале и видел, что все меньше во мне пребывает того, что изображают художники, приукрашивая меня. Но действительность, к сожалению, не приукрашиваешь. Да, жизнь шла на убыль, все чаще напоминали о себе болезни: ревматизм, высокое давление и другие недуги. Все чаще вспоминался известный силлогизм: «Люди смертны. Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен.» Более того, смерть процесс необратимый. И за смертью ничего нет. Верующим в этом смысле лучше: они, по недомыслию своему и наивности, думают о какой-то вечной загробной жизни...

Я согласно кивал. Мне было известно / об этом писал А. Антонов-Овсеенко /, что, задумываясь о близком конце, вождь однажды спросил Патриарха Алексия:

- Как церковь относится к бессмертию души?
- Душа бессмертна, — ответил пастырь.
- А как церковь относится к телесному бессмертию?, — продолжал любознательный правитель.
- Телесного бессмертия Церковь не признает.
- Это очень печально.

Меня удивило и озадачило неожиданное признание товарища Сталина. Когда Иосиф Виссарионович был с нами, руководил страной, никто никогда не говорил / да и мысли не допускал /, что он тоже смертен и может умереть. Это как-то не укладывалось в наше сознание. Считалось, что товарищ Сталин будет жить вечно — и при наших детях, и при наших внуках и правнуках. Казалось, и сам вождь считал себя бессмертным. Ведь не случайно он сделал замечание грузинскому поэту, приехавшему с делегацией земляков приветствовать товарища Сталина в связи с его семидесятилетием, и выразившему тогда пожелание Иосифу Виссарионовичу жить до ста лет. «Зачем же такие ограничения?». И поэт исправил свою опрометчивость. В следующем году, в день выборов в Советы, под большим портретом вождя, помеченному в «Правде», были его новые стихи со словами:

На радость нам, на страх врагам, Живи, отец, всегда.

— Как атеист, я не верю в бессмертие души, да и в саму душу, которая, будто бы, отлетает от умершего и пребывает в каком-то другом мире, — продолжал товарищ Сталин. — Не верю и в философию нашего соотечественника старого библиотекаря Николая Федорова, создавшего полтора века назад «Проект воскрешения отцов», хотя отдельные мысли первого наставника Циolkовского из его «Философии общего дела» достойны пристального внимания. Федоров безгранично верил в разум человека и мечтал о времени, когда человек научится управлять слепыми силами природы, всей нашей планетой и распространит регуляцию на другие миры. Он верил, что первые шаги в космос сделает русский народ. «Сама жизнь земли русской, — писал он, — способствует образованию богатырских характеров и как бы приглашает к небесному подвигу».

Отодвинув от себя тарелку, Иосиф Виссарионович продолжал:

— Мне были известны прогнозы ученых о том, что человек должен жить, как минимум, сто лет. Об этом говорил наш физиолог

Иван Павлов. А немецкий ученый Майер, с учетом резервов человеческого организма, поднял планку возможности жизни до тысячи лет. А если с заглядом в далёкое будущее, то человек, по утверждению Циолковского, видоизменившись до неузнаваемости и став «невыбывшим разумным животным — лучистым существом», будет жить вечно, не нуждаясь в пище. «Такое существо, — говорил ученый, — уже может обитать в пустоте, в эфире, даже без тяжести, лишь бы была личистая энергия». Тоже любопытная мысль, не так ли?

— Очень любопытная, — подтвердил я.

— Но на это нам с вами не приходится рассчитывать. И детям нашим, и внукам. Все это — красивая выдумка, вздор наивного старца, обогатившего науку гениальными расчетами космических трасс и проектами межпланетных кораблей.

— Это уж точно.

— Я не верю ни в рай, ни в ад где-то за пределами земной жизни, а поэтому посыпал себя превращению в жизнь идеи о самом справедливом бесклассовом рае на Земле, который мы все называем светлым будущим, хотя дорога к нему не усыпана розами. Но народ непременно придет к нему, если изменит себя, осознав, что смысл жизни — не в приобретении вещей и материального имущества, не в накопительстве и сластолюбии. Сейчас людям не хватает порядочности, чувства ответственности за все то, что творится на Земле по воле корыстолюбцев, нравственности не хватает, духовности, уважения и любви друг к другу. И, если так будет продолжаться, народ погубит Землю и себя. К такому убеждению я пришел, находясь там, — Иосиф Виссарионович поднял руку вверх, — хотя они там и достигли высочайших вершин в науке и технике, в промышленности, медицине и других областях. Но это было сделано ценой чудовищного загрязнения окружающей среды и разрушения своей планеты. И теперь они стоят перед дилеммой: или погибнуть, или расширить свои владения за счет других планет. Другого выхода у них уже нет.

Обо всем этом товарищ Сталин говорил с болью в сердце и беспокойством за судьбу землян, за свою судьбу, поняв, что и там бессмертия не существует. И хотел бы он того или нет, а уподобиться библейскому Вечному жиу Агасферу невозможно.

Потом товарищ Сталин сделал новую паузу, а я подумал: этого человекобога считали всемогущим, для многих он был воплощением прекрасного идеала. Ему, конечно, как никому другому, хотелось оправдать мнение миллионов людей о своей беспредельной силе, но он уже неспособен был соответствовать этому. Годы неумолимо брали свое.

Ну, что ж, я и сам все чаще обращаюсь мыслями к тому, что удержать текущее время нельзя, что не за горами и моя смерть. Страшно думать об этом, но и не думать невозможно. Это на Востоке к смерти относятся спокойно, заранее готовятся к ней. У них там даже есть школы по умиранию, на вратах которых выбиты слова пророка Магомета: «Умирай прежде смерти». Для людей западной цивилизации, для атеистов смерть — это конец всех концов. Вместе с умирающим для него умирает Вселенная. Умирает навсегда. Правда, сейчас кое-что из серьезных ученых оспаривает истину о гибели и полном распаде организма, когда человек сделает последний выдох. Так, ученый Вячеслав Лохов говорит, что «все, даже навсегда исчезнувшее, оставляет свой информационный след во времени и пространстве. Даже биологическая смерть человека — это лишь полная консервация его информационной матрицы для передачи ее на новый этап реализации. Уже иной физической сущности. В этом смысле в нынешнем поколении биологических тел живы и Пушкин, и Пифагор, и Нерон... Да и Иосиф Виссарионович тоже. Можете называть это воскрешением, перевоплощением, реинкарнацией. Суть остается».

Не очень-то привлекательная суть, и она вряд ли может примирить человечество со смертью.

Но я как-то пытаюсь смириться с этим, подвожу итоги сделанного и содеянного в жизни. Если говорить честно, как на духу, они утешают мало, потому что много энергии, сил и времени было затрачено впустую, в том числе и на возвеличивание нашей коммунистической партии и ее вождей, которые, увы, далеко не всегда оказывались на должной высоте и подавали пример другим. Да и жизнь не всегда радовала, хотя я и мог позволить себе больше, чем

многие другие из смертных, потому что обладал властью. Словом, как сказано: суeta сует и все суeta. И это меня иногда мучило за поздалым мучением.

А вечер уже наступает, и скоро ночь, и я чувствую это каждой клеткой стареющего тела и знаю, что впереди, в недалеком будущем, меня, как, впрочем, и всех рано или поздно, ждет вековечная беспросветная тьма. Как это у поэта:

До свиданья, догорают свечи,

О, как страшно уходить во тьму...

И не потому ли с приближением рокового часа многие люди обращаются к вере в Бога, как к последней надежде, не угаснуть на всегда, хотя бы душой. Но я-то материалист до мозга костей и не пытаю таких надежд.

Не питал их и товарищ Сталин, хотя ему, возможно, и не были чужды религиозные фобии. Как никак, а ведь он — бывший семинарист. Это не могло не наложить своего отпечатка на его сознание. И не потому ли, прогуливаясь по вечерам по Кремлю, он иногда оставлял охрану на улице, а сам входил в Успенский собор, где, по свидетельству охранников, находился достаточно долго. Что он там делал — оставалось тайной. Может, вспоминал годы ученичества в духовной семинарии, а может, втайне от всех, замаливал свои грехи. Но причина его посещений храма могла быть и более прозаичной. Он не мог не знать, что все храмы на Руси, да и в других странах, строились на благих, энергически комфортных, местах, у разломов земной коры, откуда идут импульсивные электромагнитные токи. И, оказываясь там, люди получают энергетическую подпитку. Их охватывает особое светлое ощущение. Это чувствуют и атеисты, бывавшие в храмах. А сильно уставшему за напряженный день работы вождю как никому другому нужна была такая подпитка.

Признаюсь: я даже жалел иногда, что меня воспитали атеистом и не дали упования на загробное будущее, на встречу душ с родными и близкими на том свете.

Впрочем, в последнее время и среди атеистов в этом вопросе нет единства мнений. Как я уже, кажется, говорил выше, ученые будто бы даже взвесили душу человека /что, якобы, должно говорить о ее бессмертии/, вернее, взвесили тело усопшего после того, как «отлетела душа». И оказалось, оно стало легче, чем тогда, когда в нем было сердце и он еще, как говорится, не испустил дух. А может, это совсем и не душа отлетела, а скопившиеся в умирающем организме газы? Ведь газы состоят из молекул, имеющих материальную основу, а, стало быть, и определенную тяжесть.

Задавался я и другим, не менее дурацким вопросом, рассуждая: ну хорошо, допустим, отойдя в другой мир, мы встретимся /не сами, а наши души/ с душами других. Но до какого колена? В лучшем случае, с прадедушками и прабабушками, если их довелось увидеть живыми. А они, к тому времени, ведь уже встретились со своими. А те, в свою очередь, со своими. А те — со своими. И так... до Адама и Евы? Возможно ли общение между тысячами и тысячами родственников? И как оно будет проходить, такое общение?

А недавно прочитал, что срок существования души после смерти физического тела — 7.500 лет. А дальше что? Окончательный конец? Как же после этого будет происходить начертанное в Библии воскрешение из мертвых? Люди воссоздадутся из праха бездушными? Да ведь к тому времени и праха уже не будет, потому что прах — это «тлен, нечто до последней степени ничтожное, ма-лоценное, как бы вовсе не существующее вследствие своей ничтожности.» /Так толкуется это слово в словаре Ушакова/. Как же из ничтожности может образоваться человек?

А иногда я спрашиваю себя: есть ли у меня, живого и сущего, душа в обыденном понимании, которое вкладывают в это слово атеисты? Мне все чаще кажется, что душу у меня давно выпотрошили. И кто? Да такие же, как я, только рангом выше, потрошители с партийными билетами в карманах. Разве мало я потрошил души у других?

Нелегко быть судьей своей жизни, а, рано или поздно, все становятся судьями себе, даже отъявленные мерзавцы, и не потому ли в тюремных камерах душегубов, ожидающих смерти по вынесенному им приговору, висят на стенах иконы и кресты? Это, видимо, как-то помогает им коротать ужасно тягостные дни и ночи до смертного часа. И что характерно: многие из них даже не подают проше-

ния о помиловании, считая, что им следует расстаться с неправедной жизнью.

Вот и иные правители и руководители, в которых проснулась совесть и они увидели совершенное ими зло, не могли больше смотреть в глаза людям и покончили жизнь самоубийством. К таковым, наверное, можно отнести и Секретаря союза писателей, классика советской литературы, подписывавшего при власти Сталина смертные приговоры некоторым безвинно пострадавшим писателям.

На моих руках нет крови товарищей / я убивал только врагов во время Великой отечественной войны/, но не всегда был справедлив к людям и, в первую очередь, к подчиненным, и должен осудить себя судом чести и покаяться. Только кому нужно сейчас мое показание, когда кругом совершаются и не такие злодеяния. И в России, и в республиках.

— Что меня ждало в лучшем случае после того, как я испущу дух? — продолжал товарищ Сталин после затянувшегося молчания. — Бальзамирование по последнему слову науки и техники, и неопределенно долгое время лежание в хрустальном саркофаге рядом с Лениным на Красной площади. Миллионы людей приходили бы и приходили в Мавзолей посмотреть на мое застывшее на века тело под стеклянным колпаком, как они приходили и приходят лицезреть тело Ильича. Как приходил к нему и я в трудные для себя минуты, чтобы, глядя на него, воодушевиться на беспощадную борьбу с врагами народа, на борьбу за предсказанный и научно обоснованный Лениным коммунизм, а то и найти ответы на те или иные, терзающие меня вопросы. И воодушевлялся. И находил... Страна семимильными шагами шла к заветной цели, завещанной нам великим вождем пролетариата. Наш народ за считанные годы сделал то, на что другим странам потребовались десятилетия. При таких темпах роста нельзя было обойтись без издержек. Иногда они были изящными по вине ретивых и неумных службистов-опричников. Но игра, как говорится, стоила свеч.

Не исключал и того, что после моего ухода из жизни объявятся люди типа иудушки Троцкого, которые меня будут ругать последними словами, устно и письменно, и даже проклинать, а в числе таких могут оказаться мои бывшие соратники по борьбе. Я их тоже не щадил за перегибы. Возможно, даже выбросят из Мавзолея и предадут земле, или сожгут и развеют прах по ветру. Но знал и другое: как бы ни поступили с моим телом, мой вклад в дело построения социализма в одной стране людьми не забудется никогда, и будущие поколения — настоящие строители коммунизма — по достоинству это оценят. А в том, что коммунизм грядет, ни у кого не должно быть сомнений. Так что я тоже уже при жизни воздвиг себе памятник нерукотворный и к нему тоже не зарастет народная тропа.

Товарищ Сталин заметно воодушевился, говоря об этом. В его словах чувствовалась неподдельная гордость за сделанное, но скоро он как бы сник, продолжая с грустью в голосе:

— Увы, Ильич не знал и не узнает, каких высот мы достигли, претворяя в жизнь его начертания. Его нет, он бесповоротно и бесконечно мертв. Черепная коробка его пуста. Мозг засыротован и находится где-то в Институте мозга. И всем знакомые стихи и песни о великом вожде: «Живее всех живых», «Всегда живой», «Всегда со мной» — не более, как фикция, какой бы красивой и возвышенной она ни была. Да, бессмертием человек наградил только богов в мифах народов мира: Осириса, Таммуза, Атиса, Митра, Христа... А если боги умирали, то и воскресали опять же в сознании людей, которым хотелось этого по их неуемной фантазии и желанию, чтобы так было. Впрочем, — тут Иосиф Виссарионович сделал паузу, потом заговорил с неменьшим воодушевлением, — у меня были сведения о том, что жители других планет каким-то образом могут продлять жизнь живого организма. Во всяком случае, я знаю это доподлинно, основываясь на мифе, который имеет конкретное воплощение в действительность на нашей Земле, о чем поведал профессор Джеральд Хоггинс еще в 1939 году, ставший свидетелем невероятного события.

И далее Иосиф Виссарионович сказал, что, согласно этому удивительному мифу, где-то в середине XVI в. неподалеку от крошечного центральноафриканского селения спустился с неба свер-

кающий шар и из него вышло верховное божество Ту-гу.

Находившаяся в тот момент поблизости некая старая женщина рухнула перед ним на колени. Ту-гу направил на затылок старухи луч сверкающего света, после чего удалился в свой шар, который тут же исчез. Вместе с ним исчезла и старая женщина. А утром другого дня в селении, непонятно откуда, появилась красивая молодая девушка, в которой жители признали накануне пропавшую женщину Абао, но тридцати-сорокалетней давности. Эта удивительная женщина живет и поныне и практически не старится. Аборигены дали ей имя — Священная девушка Абао. Она обновляется через каждые тридцать лет, свидетелем чего и стал Джеральд Хоггинс, совершивший экспедицию в ту местность, где живет Абао. Ей скоро исполнится 380 лет.

Сообщение товарища Сталина изумило меня и я, уже находясь в психиатрической клинике, рассказал о нем навещавшему меня Матсон-Ганопольскому. Этот эрудит, к моему удивлению, не особенно поразился, потому что ему тоже было известно о практические нестареющей девушке Абао.

А история с ней имела чудесное продолжение.

— Существует энергия, которая может кардинально изменить программу жизни и смерти, — сказал Давид, — но пользоваться ею дано очень немногим.

Далее Матсон-Ганопольский поведал об ученике умершего Джеральда Хоггинса, ученом-генетике Уильяме Смите из Принстонской парapsихологической лаборатории, который еще в 1969 году опубликовал сенсационные результаты предпринятой им экспедиции в то самое селение, где жила Священная девушка Абао. Он вел за ней наблюдение в течение четырнадцати лет и убедился, что она не стареет. Аборигены построили ей специальную хижину. Через каждые тридцать лет девушка уходит из селения, вступает на поляну, на которую когда-то спустился сверкающий шар с верховным божеством Ту-гу, и исчезает, чтобы на другой день появиться в обновленном виде.

Матсон-Ганопольский сказал, что профессор генетики Уильям Смит пришел к мысли, что НЛО случайно или намеренно вмешался в «программу смерти» девушки Абао, в результате чего она стала вечно молодой и бессмертной.

Конечно, все это похоже на мистику, на красивую сказку, но уже известно, что профессор намерен сосредоточить в 1999 году в деревушке, где проживает Священная девушка, значительные исследовательские силы, и если обновление подтвердится и на этот раз, мы окажемся свидетелями невероятного, не укладывающегося в сознание события.

Ну, а что касается меня лично, то я-то уж, конечно, стал свидетелем не меньшей сенсации, встретившись с живым Иосифом Виссарионовичем Сталиным, хотя поверить в случившееся так же трудно, как и в бессмертие уходящей в никуда и снова появляющейся Абао.

— Как видите, какая-то надежда на бессмертие все-таки имеется, — продолжал вождь. — А если не на бессмертие, то хотя бы на долгую, несозимеримую с обычным человеческим веком, творческую жизнь. И нет ничего удивительного, что мне тоже хотелось продлить свои годы. В поисках эликсира жизни я переворотил многие десятки трудов на эту тему: медицинские, философские и даже не оставил без внимания магию и алхимию. Искал ответы на волнующие меня вопросы об образе жизни людей разных стран и национальностей, о специфике питания, физических и иных упражнениях для души и тела, беседовал с долгожителями и так далее. Все это оказалось проблематично. И не всегда помогало людям. Изменить привычки, режим жизни, перейти на определенную диету трудно. Конечно, кое-что могли бы сделать врачи, привив или пересадив мне какие-то железы от обезьяны или молодого человека, попавшего в катастрофу. Такое кое-где практиковалось, и в отдельных случаях удавалось омоложение.

Тут я подумал о Калинине: кто-то рассказывал мне, что будто бы он в свое время, чувствуя упадок сил, прибегнул к операции такого рода в Париже — пока жена его находилась в Гулаге, он в ту пору увлекался молодыми балеринами, для чего нужны были силы, ездил во Францию. Впрочем, всесоюзный староста прожил меньше товарища Сталина.

— Ученые пришли к выводу, что пересадки не продлевают жизнь, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Да я и перестал доверять врачам. Они могли если и не отравить меня, то подорвать мое здоровье, как это делали лекари Ивана Грозного, Наполеона, Гитлера, подмешивая им в еду вредные вещества. Меня не мог не заинтересовать и загадочный долгожитель граф Калиостро, сказавший однажды, что мудрец обязан хранить втайне источник своих знаний. Я поступал так всю жизнь и не жалею об этом. Но мне мало что удалось узнать об эликсире этого авантюриста, так же как и о напитках бессмертия графа Сен-Жермена.

Удивительно сходные мысли приходят в голову разным людям, когда они думают о приближающейся смерти. Мне тоже не раз вспоминалось имя Калиостро. О нем написаны десятки, а может, и сотни книг, как о известном международном шарлатане, гипнотизере и ясновидце XVII века. Его считали чернокнижником, еретиком и мятежником. Судя по рассказам современников Калиостро и исследователей его необыкновенной, полной загадок, жизни, он обладал даром творить чудеса, извлекать золото из свинца и алмазы из угля. Конечно, это выдумки, но он действительно знал много языков и умел лечить неизлечимые болезни. И тут хотелось бы заострить внимание: не на уверениях Калиостро, что он будто бессмертен, что ему уже тысячи лет. Он подтверждал это своими подробными рассказами о давно минувших временах, о которых могли знать только историки. Это нравилось человечеству, которое мечтает хотя бы отдалить свой последний час, узнать секрет долголетия и воспользоваться им. Но необходимо сослаться на ниже следующие слова товарища Сталина.

— Что касается способностей Калиостро продлить свою жизнь, то это тоже оказалось блефом, — сказал он, — сам граф прожил всего 52 года. А вот его высказывания о контактах с космосом, с инопланетными жителями не давали мне покоя. Я поверил в них. Иначе откуда бы ему набраться в те годы таких обширных знаний во всех областях. Тут было о чем задуматься, особенно после того, как я познакомился с фактами вмешательства космических сил в судьбу девушки Абао.

Потом я узнал, что с космосом был связан и известный французский врач и астролог XVI века лейб-медик короля Карла IX Мишель Нострадамус, — продолжал товарищ Сталин. — Он утверждал, что в мире существуют и иные измерения, закрытые для нас, населенные своими существами, что где-то в северных пустынях есть области, где наш мир и мир иных существ переплетены: существа могут там встречаться и общаться с нами. Однако, найти места таких совмещений трудно, и они не используются. Но есть древняя магическая техника, которая позволяет установить контакт практически везде.

Мне это тоже стало известно, как и то, что, общаясь с высшими существами, и под их воздействием Нострадамус стал писать пророческие стихи, которые принесли ему славу на столетия вперед. Они были опубликованы под названием «Предсказания» и охватывали будущее истории Земли и ее народов до конца нынешнего столетия. Даже сказал, когда начнется заселение землянами других планет. В своей книге среди прочего он предсказал появление и приход к власти Наполеона, две мировые войны и появление Гитлера.

Кстати, Гитлер тоже верил в чудодейственную силу космоса и, придя к власти, создал несколько специальных исследовательских центров по космическим влияниям. Один из них — «Туле» — собирал сведения по взаимодействию космоса с конкретными судьбами землян. Руководил им черный маг Третьего рейха СС Генрих Гиммлер.

Из разговора с товарищем Сталиным я узнал, что вождь знаком с неординарными высказываниями нашего соотечественника — теоретика космонавтики и космической философии Константина Эдуардовича Циолковского, который еще в начале XX века писал: «Мы имеем множество фактов, собранных достойными доверяющими людьми. Факты эти указывают на присутствие каких-то сил, каких-то разумных существ, вмешивающихся в нашу человеческую жизнь».

Думая над всем этим, изучая поступавшую товарищу Сталину информацию, он все больше склонялся к мысли, что инопланетные цивилизации существуют, и в этом нет ничего божественного. И многие из них могут оказаться настолько выше нас, землян, по раз-

витию, насколько мы выше животных, с которыми у нас хоть и наложен определенный контакт, но они не могут нас осознать в такой степени, как мы, люди, осознаем и воспринимаем друг друга благодаря своим органам чувств, речи и более совершенному мозгу.

Рассматривая вопрос о «Воде Вселенной», о разумных силах, высших существах Циолковский писал об их влиянии на наш мозг, а также о том, что Воля Космоса проявляется во вмешательстве Всевышнего Разума в наши дела.

Ученый пришел к выводу, что контакт человека с «высшими» формами инопланетян должен содействовать совершенствованию человека.

Замечу мимоходом, что это утверждение Циолковского в какой-то мере перекликалось с высказываниями старого учителя-физика, который жил под Курском, много перенес в жизни и верил в Бога. Его звали Александр Федорович Мартынов. Он взялся доказать существование Всевышнего с помощью данных науки и утверждал, что Божественная энергия проявляется в силовом поле, которое воздействует на человека. Об этом, якобы, говорится и в Библии. Учитель написал книгу, в которой говорил, что через это поле можно установить связь с Богом. Когда он умер / в 1982 году/, его жена сожгла рукопись о Боге, боясь попасть в тюрьму.

Но речь совсем не о Боге. Тут, по-моему, нечто другое, и это «ничто» связано с иной субстанцией, с которой человек контактирует с помощью подсознания и получает определенную информацию. Так вот я об этом самом информационном поле, о котором сообщал Мартынов, и о котором теперь так много говорят и пишут. Есть предположение, что оно каким-то таинственным образом связывает всю Вселенную и всех живущих в ней. С его помощью можно передать ту или иную информацию со скоростью света, не прибегая к традиционным способам связи. А теперь уже человечество научилось выходить к более высшим космическим энергиям и использовать их в лечебных целях. Появились люди, являющиеся как бы проводниками, посредниками между человеком и высшими субстанциями. С их помощью больные выходят на лечебно-энергетический канал, которым могут пользоваться всю жизнь и с помощью высших сил оздоравливать свой организм, избавляться от различных болезней и невзгод. Во время сеанса человек не подвергается ни гипнозу, ни внушению, ни кодированию и находится в совершенно здравом сознании.

О своем контакте с космосом говорил и известный певец-патрист Игорь Тальков.

Из дальнейших слов товарища Сталина я узнал, что ему было известно о катастрофе летательного аппарата внеземного происхождения в начале июля 1947 года в Роузэлле в штате Нью-Мексико, недалеко от испытательного ядерного полигона, где за два года до этого, утром 16 июля 1945 года, американцы провели первое успешное испытание ядерного оружия. Знал Иосиф Виссарионович и о секретном документе, подписанном тогдашним Президентом США Гарри Трумэном, в котором сообщалось, что на месте катастрофы были обнаружены тела инопланетян. Конечно, мировой общественности сказали иное: будто бы найденные обломки летательного аппарата — это всего лишь часть экспериментального зонда, с помощью которого велись наблюдения за перепадами погоды на больших высотах.

Узнал товарищ Сталин и о том, что тогда же, в течение нескольких дней, инопланетяне вели активный поиск пропавшего корабля, и многие наблюдатели видели, как барраживали многочисленные корабли внеземного происхождения над западной частью США. Кстати, на это время года падал самый большой за ХХ век пик солнечной активности. А потом мир узнал из просочившейся в печать информации, что было произведено вскрытие гуманоидов, а затем их останки отправили в Форт-Уэрт, где сейчас расположена база BBC США. Некая медсестра, присутствовавшая на вскрытии гуманоидов, сообщила, что все они были маленькой роста, с огромными головами, а черты лица напоминали жука, и за это сообщение поплатилась жизнью, погибла в подстроенной авиакатастрофе.

Не могло не заинтересовать товарища Сталина и сообщение в печати о странном светящемся объекте диаметром около ста метров, полет которого наблюдали тысячи жителей трех городов — Майсвилля, Овенцборна и Ирвингстона штата Кентукки центральной ча-

сти США, где были расположены хранилища с золотыми запасами страны. Все видели, как этот объект завис над взлетно-посадочной полосой военно-воздушной базы Годман, меняя свой цвет от красного до белого. Американцы подняли в воздух реактивные самолеты F-51 с тем, чтобы установить контакт с этим, более чем странным, летательным аппаратом. Увы, он с чудовищным ускорением набрал высоту и летчики-перехватчики стали терять его из виду. Пилот Национальной гвардии командир звена капитан Томас Мантелл, герой Второй мировой войны, все-таки продолжал преследование, докладывая на землю: «Вижу объект — диск — ненормальных размеров... Купол на верхней части, он быстро вращается вокруг центральной оси. Еще метров девяносто — и я его настигну. Вид металлический, отражатели блестящие, стекло в иллюминаторе желто-палевого цвета. Цвет меняется, становится красным, оранжевым... скорость объекта растет. Пытаюсь угнаться. Он поднимается под углом в сорок пять градусов. Объект гигантский. Скорость невообразимая. Теперь...»

На этом связи прекратились. Летчик был найден мертвым среди обломков своего самолета в 145 километрах от базы.

— В сорок седьмом я вызвал в Кремль конструктора ракет и космических аппаратов Королева, — продолжал Иосиф Виссарионович, — и показал фотокопию документов о круглых летательных аппаратах, неизвестных на Земле, попросил конструктора высказать свое мнение по этому поводу. Документы были на английском языке, которого ни я, ни Королев не знали. Он попросил эти материалы домой на один день. Ввиду секретности информации, я не мог ему это разрешить. Мы отвели конструктора отдельную комнату, выделили девушки-переводчиц, а также представили имеющуюся у нас документацию по этой теме. Ознакомившись с переведенными материалами, Королев сказал, что если такие аппараты и имеются, то они не могли быть созданы в Америке в силу недостаточного для этого технического потенциала. К тому же, и военной угрозы для нас не могли представлять. Однако, сооружения удивительные и заслуживают тщательного изучения.

Прощаясь с конструктором, я предупредил его, чтобы не распространялся о том, что узнал и сообщил ему, что примерно к такому же заключению пришли и наши ведущие ученые — Курчатов, Топчиев и Келдыш. Попросил Королева собрать по всему миру сведения о неопознанных летающих объектах, распорядился, чтобы ему беспрепятственно давали любые разведданные, связанные с полетами над нашей Землей загадочных тарелок, а также с их посадками.

Через некоторое время он доложил мне о том, что узнал о летающих тарелках. Из его доклада явствовало, что в мире действительно существуют цивилизации, которые по уровню развития обогнали нас на несколько порядков. Мы пришли к обоюдному мнению, что инопланетяне ведут планомерное наблюдение за Землей, изучают нас, но пока не вмешиваются в нашу жизнь. И только в исключительных случаях идут на контакт с нами. Судя по собранным сведениям, они могут даже менять наружность, связываться с нами телепатическим образом и внушать нам то, что им необходимо.

И, конечно же, там найдены надежные способы продления жизни, — решил товарищ Сталин. Попади он туда, и ему прибавят несколько десятков, а может, и сотен, лет. И тогда он стал думать, как войти в контакт с инопланетными существами. Снова углубился в историю этого предмета с надеждой узнать, не имелось ли когда-либо в прошлом обнадеживающих фактов на этот счет.

Обращало на себя внимание, что непонятные летающие объекты чаще появлялись над определенными местами земного шара, что согласовывалось с высказыванием Ноstrадамуса. Такие места учеными по НЛО /их/ стали называть уфологами /связывали с предполагаемым влиянием на них каких-то скоплений звезд на небе или тектонических движений земной коры, что делало эти места энергетически более насыщенными и привлекательными для инопланетян.

Все это, при большом желании и фантазии, можно было увязать и с таинственной обителью мудрецов «Шамбалой», которая будто бы находится где-то в горах Тибета. Там, как повествовали древние предания, остались Сыны Разума Извне после космической катастрофы, уничтожившей высокую цивилизацию. Считалось, что это —

центр могущества, который командует стихиями и народами. Нечто подобное излагалось и теософкой Блаватской в ее творениях. И хотя товарищ Сталин критически относился к мировоззрению и творчеству этой экзальтированной дамы, его внимание не могла не привлечь ее книга «Тайная доктрина» объемом в 2000 страниц. В ней излагались основы новой космической философии, главной идеей которой являлась идея духовного единства человека с космосом, с Высшим Разумом Вселенной.

Из дальнейшего рассказа товарища Сталина я узнал, что, задумав связаться с инопланетянами, он вынужден был пересмотреть многие свои взгляды на мир прошлого, настоящего и будущего, многое отбросил за ненадобностью и многое осознал и усвоил из того, что раньше не признавал и отвергал. О своей переоценке ценностей никому не говорил. Да его бы тогда и не поняли единомышленники. А между тем, теперь многие явления, рассматриваемые ранее с оккультно-идеалистических позиций, находят материалистическое объяснение, и они уже рассматриваются с точки зрения фундаментальных понятий современного естествознания.

Сказано: тут главное — войти в особое психическое сверхсостояние или вызвать в себе его, и тогда можно с помощью сознания направленно управлять действием возникающих необычных сил, создавать особого рода поля, передавать на расстояние мысли, эмоции, настроения.

Есть мнение, что энергия разума тех или иных людей может улететь «со скоростью мысли» в космос к другим звездным мирам и планетам, на которых существует жизнь. Эту нашу энергию могут там принять и расшифровать. Более того, такая энергия позволит летать в космос, посещать различные планеты и описывать картины, виденные там, как это, скажем, делают некоторые ясновидящие, рассказывающая подробно о местностях, в которых никогда не бывали.

Интересную гипотезу выдвинул доктор экономических наук физик Б.И. Исаков. Она основана на признании важной роли микролептонного газа /нейтринофотона/ в проявлении биоэнергетики и экстрасенсорном восприятии событий. Согласно этой гипотезе, люди способны с помощью слабых предсигналов и постсигналов, идущих из окружающего пространства, говорить о прошедших событиях и предсказывать будущее.

По лептонно-фотонной гипотезе Исакова мысли и эмоции человека материальны, а усилием воли он может даже получать своего рода «лептонного», то есть информационно-энергетического двойника, посыпать его на далекие расстояния и с его помощью получать или передавать информацию от отдельных событий и людях.

Следует заметить, что такой способностью обладал наш соотечественник маг и оккультист, грек по национальности, Жорж Иванович Гурджиев, внедрявший, как уже говорилось, в сознание общавшихся с ним людей /для этого он создал специальную школу/ программу создания нового человека. Его современники утверждали, что он умел показываться в одной части России в то время, когда его тело находилось в другой. Я назвал это имя потому, что Гурджиев, по предположению монархиста Василия Витальевича Шульгина, учился в одной семинарии с товарищем Сталиным, о чем сообщали и наши астрологи Павел и Тамара Глоба. И они даже внешне будто бы были похожи и манерой говорить, и речевым акцентом. Гурджиев, к тому же, в немалой степени напоминал Калиостро и Сен-Жермена, высказываясь о том, что был свидетелем событий, которые происходили 200 лет назад и раньше. Будущий вождь мог от него многое перенять и узнать то, что нам неизвестно, и многому научиться.

Кстати, такими же способностями раздаваться обладали и некоторые тибетские ламы, с которыми общались европейские ученые и исследователи-путешественники и самолично наблюдали это.

Может, и товарищ Сталин в эти минуты тоже раздвоен, — вдруг подумал я, глядя на вождя, но тут же и отогнал эту слишком смелую мысль. Уж больно она казалась необычной, почти бредовой, хотя и согласовывалась с высказываниями некоторых ученых мужей.

Иосиф Виссарионович не стал вдаваться в подробности, каким образом он налаживал через космос контакт с пришельцами и выразил им свое желание на какое-то время покинуть нашу Землю для

того, чтобы инопланетяне могли продлить ему жизнь. Не говорил он мне и о том, как нашел нужную ему планету и каким образом попал туда. Возможно, не хотел, чтобы еще кто-то последовал его удивительному примеру. А таких людей нашлось бы великое множество. Что говорить, даже я попытался бы это сделать. Так что его можно понять. Единственное, о чем он мне намекнул, так это о том, что ему надо было в какой-то мере уподобиться и радару, который посыпает в атмосферу сигналы, и ждать, чтобы какой-то из этих сигналов был уловлен и отразился в его голове.

— Вы, наверное, слышали о медитации, когда душа якобы выходит из тела для контакта со Вселенной, с Единой Душой, — сказал товарищ Сталин. — Это бред сивой кобылы. И насчет нашей души, и насчет Единой Души. А вот мысленный контакт человека с инопланетной цивилизацией более высокого порядка наладить можно. Через космос.

Отсюда становится понятным проявленный Иосифом Виссарионовичем интерес к знаменитому телепату и прорицателю Вольфу Мессингу, выступавшему с эстрады театров, клубов и домов культуры с «психологическими опытами», изумляя публику своими необыкновенными способностями читать мысли других людей. Кроме того, Мессинг обладал даром ясновидения, умел видеть будущее. Товарищ Сталин даже консультировался с ясновидцем перед принятием важных военных решений. В частности, Мессинг посоветовал Иосифу Виссарионовичу «выбрать Сталинград в качестве нерушимой твердыни и поворотного пункта во всей войне». Товарища Сталина не могло не изумить, что ясновидец точно назвал ему день окончания войны. И когда это предсказание подтвердилось, вождь послал ему правительственный телеграмму с благодарностью.

Продолжая со мной разговор, товарищ Сталин спросил:

— Вам, конечно, знакомо и выражение: «Мысли витают в воздухе».

Меня немного смутил весь этот разговор и вопрос вождя потому, что при нем чинились препятствия учению о проникновении психики человека в материальную сферу. И только сейчас стали писать и говорить о передаче мыслей на расстояние, телепатическом общении, которое возможно только у людей со своеобразной психической аномалией, о мысленном внушении образов путем телепатического воздействия на людей, даже не знающих языка того человека, который навязывает ту или картину, то или иное представление. В качестве примера чаще всего называют факиров Индии.

— Да, знакомо, — сказал я. — Это когда индивидуумы настраиваются на одну волну, и происходит бессловесный дистанционный обмен информацией, в чем можно убедиться на примере близких людей, влюбленных и единомышленников. Один о чем-то подумает, а другой это скажет. Вы это имели в виду?

— Верно. Но мысли, как теперь известно, «витают в космосе».

И тут он сослался на высказывание советского ученого, основателя геохимии, биогеохимии и радиогеологии Владимира Ивановича Вернадского. Отличаясь широтой интересов, постановкой кардинальных научных проблем, связанных с окружающей нас средой, он, как и Циолковский, умел предвидеть, что отличало его от многих ученых. Академик считал, что энергия мысли не исчезает после смерти людей, что рожденные в голове мысли уходят в космос. Они как бы материализуются там и существуют сами по себе в виде своеобразных записей. Они пребывают там вечно, как в хранилище, и при умении их можно улавливать и воспроизводить, таким образом, становиться как бы свидетелем и очевидцем далеких от нас времен, узнавать желания людей, в головах которых они зародились когда-то давным-давно.

Чудно и непривычно мне было слышать такое от материалиста товарища Сталина.

— Инопланетяне научились извлекать ушедшие в космос мысли людей над теми местами, где они родились, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Расшифровывать их, сортировать и получать нужную им информацию о том, что думают земляне в том или ином месте, что они хотят. Конечно, им не все и не всегда удается принять в полном объеме, но если они убедились в том, что такое понимание необходимо, они посыпают в те места, над которыми витали мысли, специальные приборы наподобие радиозондов. Про-

никнув вглубь почвы, эти приборы, типа своеобразных маяков, посыпают в космос сигналы с закодированной информацией об окружающей местности, какие виды летательных аппаратов более пригодны для посадки там, где искать людей, мысли которых были уловлены и резонированы.

— Выходит, вы тогда в далеком пятьдесят третьем генерировали в космос мысли о своем желании покинуть Землю с расчетом, что они будут приняты инопланетянами, — сказал я.

— Вы поняли меня правильно, — ответил товарищ Сталин. — Но этому предшествовала большая подготовительная работа, потому что я оказался одинок в своем намерении, и уловить мое желание можно было только в том случае, если сумею придать ему огромную мощь с помощью специальных приемов и средств. Но об этом не будем.

Получив от инопланетян сигнал о том, что они готовы взять товарища Сталина на свою планету и указали время и место, когда они это сделают / всю информацию Иосиф Виссарионович получил во вне, как ее обычно получают и многие нынешние контактеры / он отважился на нечто неожиданное, ну просто невероятное для всех живущих на Земле людей.

— Я решил, — сказал он мне, — оставить за себя двойника, своего рода дубликат, или копию, и при этом вспомнил популярного исполнителя моей роли в кинофильмах и на театральной сцене, артиста Михаила Геловани, с которым довелось в свое время даже встретиться. Мог же этот человек показать меня как настоящего. Не так ли?

— Еще как мог, товарищ Сталин! — воскликнул я, вспомнив некогда популярные ленты: «Великое зарево», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Выборгская сторона».

— Конечно, Геловани, а тем более Дикого нельзя было брать в свои двойники, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Но найти подобного требовалось, и я не сомневался в том, что поиски увенчиваются успехом. Ведь нашел же художник Налбандян натуру для своей картины, когда рисовал меня. Я приказал своему доверенному человеку, имя которого не стану называть / его нет в живых /, чтобы подобрал мне достойного двойника, и при этом приказал ему никому ничего не говорить. О том, что этот дублер заменит меня на какое-то время, какое я намеревался пробыть на другой планете и обрести, если не бессмертие, то по крайней мере, долговечность, я, конечно, не мог сказать и доверенному человеку. И никому другому из членов Политбюро и ЦК. Не мог и не хотел. Да и родным своим — сыну Василию и дочери Светлане — тоже не мог.

— Естественно, — ответил я, вспомнив фрагменты из мемуаров Хрущева о последних годах жизни товарища Сталина, когда вождь признавался: «Пропащий я человек. Никому не верю. Я сам себе не верю».

Да, близкие к вождю люди, его соратники это чувствовали всегда и понимали. «Поэтому, — писал Хрущев, — в окружении Сталина были только временные люди. Ведь он даже своих верных клерков — Молотова, Микояна, Ворошилова — считал агентами иностранных разведок».

Конечно, такому отношению к своим соратникам товарища Сталина активно способствовала система, в которой, как писала его дочь, он сам был узник и задыхался от безлюдия, от одиночества, от пустоты.

— А натолкнуло меня на такое заместительство, — продолжал Иосиф Виссарионович, — одно, имевшее в жизни явление в патриархальные времена одного из организаторов республиканской партии США, выступавшего против рабства, Авраама Линкольна, когда преисполненные любви и уважения к этому Президенту за его политику, фермеры стремились непременно побывать в Белом доме и пожать ему руку. Фермеров было много, а Президент — один, и если бы он захотел удовлетворить желание всех паломников встретиться с ним, то у него ни на что другое уже не осталось бы времени. И тогда он нашел двойника. В его обязанности входило принимать фермеров и отвечать на их рукопожатия. Большинство из них видело «живого Президента» впервые и не могло даже представить себе, что общается не с настоящим Линкольном, а с его дублером.

Тут мне невольно припомнилась заметка о некоем еврее Лубецком, который, по его словам, целых пятнадцать лет морочил головы

людям, исполняя роль двойника товарища Сталина, о чем я уже рассказывал. Но Иосиф Виссарионович почему-то не упомянул его имени, и я подумал, что Лубецкой, видимо, все придумал, чтобы как-то выплыть из истории.

— Мне кукла, умеющая только приятно улыбаться и жать руки поклонникам, не подходила, — продолжал товарищ Сталин. — Нужен был подходящий эквивалент, что, конечно, усложняло задачу. Но игра, как говорится, стоила свеч. И такой человек был, в конце концов, найден. Оставалось сделать, чтобы он вжился в мой образ. Тут требовалась полная трансформация и перевоплощение. Ему вменялось стать моим неизменным спутником всюду, хотя его никто не видел. Это сделать было не так уж трудно в тех условиях, в которых я находился, будучи фактически,вольно или невольно, оторванным от шумного мира, от жизни людей. К моему удовлетворению мой дублер оказался натурой чрезвычайно талантливой, даже художественной, с прекрасной памятью. Он мог быть стать первоклассным политиком и артистом, что и помогло моему будущему заместителю успешно воплотиться в мое подобие. Он перенял мои манеры, мою походку, мою интонацию голоса, мои выражения и словечки, мои вкусы и пристрастия, проникся моим мировосприятием.

Когда мы оставались одни, я рассказывал ему о своем прошлом, о своих наклонностях и привычках, желаниях, увлечениях, мировоззрении, своих недостатках и болезнях. Рассказывал и о людях, с которыми мне приходилось общаться в разные годы, о своем отношении к ним и их отношении ко мне. А когда они бывали у меня, он наблюдал за ними из специального укрытия, о котором никто не знал.

Потом я спрашивал дублера, что он увидел в этих людях, как их понимает и оценивает, и тут же вносил в его представление о них поправки, исходя из своих знаний о сильных и слабых сторонах этих людей, рассказывал ему их биографии, с кем они общаются, кого любят, кого ненавидят и обо всем прочем.

Постепенно он все больше врастал в мою жизнь, вникал в мою работу, узнавал мои запросы, постигал образ моих мыслей, взглядов и устремлений, становился моим вторым «Я».

В один из дней я выпустил его на «арену моей жизни», а сам наблюдал за ним из укрытия, в котором находился он, когда я общался с другими людьми. Мой двойник прекрасно выдержал экзамен. Никто из приехавших ко мне на дачу не узнал, что они имеют дело не со мной, а с моей копией. Все вели себя так, как будто перед ними был я.

Откровенно говоря, меня не особенно удивило сообщение товарища Сталина, ведь рядом с ним мало было глубоких, проницательных и мудрых людей. Во всяком случае, никто из них не годился ему и в подметки. Возможно, он таких и не жаловал своей благосклонностью и не приближал. Только так и можно было возвышаться над всеми. А если им что-то и показалось, они объясняли это неким сдвигом в личности стареющего вождя.

— Даже Берия не узнал, что общается уже не со мной, хотя провести эту хитрую и коварную лису было трудно, за что я его и ценил до поры, до времени. Впрочем, и опасался. От него можно было получить удар в спину.

Да, теперь это известно всем. Дочь Иосифа Виссарионовича писала о Берии: «Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще так трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гнида, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца, и посмеивался при этом в кулак, для меня несомненно, и это понимали все...»

— Правда, были моменты, — продолжал товарищ Сталин, — когда моя верная экономка, Валентина Васильевна Истомина, а по-просту Валечка, проработавшая на даче восемнадцать лет, как-то настороживалась, общаясь с моим двойником, пристально приглядываясь к нему, но дело сходило с рук: очевидно, и она некоторые несходства или несоппадения приписала моей старости и связанным сней отклонениям.

Ну, что ж, с этим утверждением Иосифа Виссарионовича нельзя было не согласиться. Человек после семидесяти, как правило, несколько преображается в силу патологических изменений в его ор-

ганизме и психике. Взять, скажем, Брежнева, который впал в маразм в конце своего правления и совсем не походил на того красавца Брежнева, который с помощью своей команды скинул с престола волонтариста Хрущева и начал властствовать уже со своей шайкой-лейкой. Так, что если окружавшие товарища Сталина люди и заметили какие-то сдвиги во внешности или поведении вождя, в его характере, то могли это отнести за счет деформации личности.

Да и нельзя было всего предусмотреть. Скажем, двойник не угощал внука Иосифа Виссарионовича, Оську, и внучку Катю виноградным вином, когда они пришли со Светланой, что делал их дед по старой кавказской привычке. Тут пришлось сделать ему замечание. Зато когда дети пришли в другой раз, двойник исправил ошибку.

Чудно было это слышать, хотя я и знал, что у недавно умерших вождей бывали двойники. Правда, они не претендовали на власть, но хотели многое и шли на разные ухищрения. Как-то прочитал, что в Китае сразу после смерти Мао Цзе Дуна появился его двойник — актер Гю Ю, ставший звездой китайского экрана. У него, как и у Великого Кормчего, величественная осанка, плавные движения, округлые щеки, скульптурный лоб и монументальный взор, как бы устремленный к сияющим вершинам коммунизма. Для достижения сходства с Мао ему пришлось сделать пластическую операцию на ушах, чтобы слегка оттопырились, и посадить фальшивую бородавку на подбородок. С участием этого актера уже снято несколько фильмов, в которых он выступает в роли Мао во время всяческих официальных торжеств. Немало китайцев серьезно верят в то, что произошло чудо, и Великий Кормчий спустился с небес. У нас подобное перевоплощение можно было увидеть в кинофильме или на сцене театра по воле сочинителя и режиссера в фильме Ираклия Квирикадзе «Путешествие товарища Сталина в Африку». В нем рассказывалось, как отыскали похожего на Иосифа Виссарионовича человека, сделали совершенно секретную операцию по превращению скромного грузинского еврея Монсея Пичхадзе в великого вождя народов, чтобы он мог разгрузить уставшего вождя от второстепенных дел. Что обращало на себя внимание: во всех случаях с двойниками Ленина и Сталина выступали евреи.

Рассказывая о создании этой одиозной кинокартины на страницах «Московских новостей», режиссер среди прочего заметил: «Я — грузин и дитя той эпохи, прекрасно помню, как боготворил вождя, поклонялся ему. У личности Сталина было какое-то магнетическое, дьявольское притяжение. Я могу понять, почему люди падали ниц: в нем что-то было еще, кроме деспотизма и власти. Эта тема загипнотизировала меня, и я сочинил собственный миф... Мой фильм — это выраженная трагикомедия, где меньше места для смысла и больше — для размышления о тех трагических временах.»

Замечу: трагикомедия получилась посредственная, а идею он, как и товарищ Сталин, видимо, заимствовал у Авраама Линкольна.

Голова у меня от услышанного от Иосифа Виссарионовича шла кругом. Я не знал — верить тому, что говорил мой неожиданный гость, или нет. Хотя случаи подмены людей мне были известны, о чем я уже рассказывал выше, именно подмены в политических целях, чтобы ввести в заблуждение народы целых стран, и думаю, что тут уместно сослаться на историю с заместителем Гитлера по нацистской партии и его другом Рудольфом Гессом. С его помощью Гитлер написал «Майн Кампф» — зловещий трактат антикоммунизма, расизма и милитаризма, в котором изложена программа фашизма, завоевания «жизненного пространства», установления мирового господства на планете. Гесс в одиночку улетел на «Мессершмитт» из Германии под именем капитана Хорна в Шотландию еще в мае 1941 года, в решающий момент Второй мировой войны, чтобы склонить Великобританию заключить обособленный договор с Германией, цель которого состояла в координации совместных действий против СССР. Подробности этих таинственных переговоров англичане обещали обнародовать до двухтысячного года, потом срок перенесли на 2015 год. Думаю, человечество узнает такое, что наши бывшие союзники по войне окажутся зело епосрамленными.

Кстати, после войны, на Нюрнбергском процессе этот матерый фашист и человеконенавистник утверждал, что пошел на такой шаг под влиянием мага, профессора Карла Гаусгоффера, которому призналось, что он, якобы, видел Гесса летящим в Англию, а на Нюрн-

бергском процессе Гесс отказался отвечать на вопросы судей и обвинителей, разыгрывал невменяемого, потерявшего память и был заключен до конца своих дней в тюрьму Шпандау в Западной Германии. А совсем недавно его обнаружили там с петлей на шее. И это случилось после того, как Гесса, в силу его преклонного возраста /93 года/ собирались амнистировать. Видимо, кому-то это оказалось невыгодно. Мог пролить свет на британо-германские контакты за сорок дней до нападения фашистской Германии на Советский Союз и, тем самым, нанести ущерб нынешней Англии, хранящей тайну цели визита. И Гесса убрали.

Но речь о другом. По одной из версий в Шпандау сидел вовсе не Гесс, а некто, упратанный туда англичанами. Подлинный же Гесс либо был сбит во время перелета и погиб, либо похищен и перепрятан. Это предположение связано со ссылкой на сына Гесса, который при свидании, якобы, не узнал отца. Кстати, Гесс ни разу не пригласил жену приехать на свидание, хотя таковые и были разрешены для узников. Видимо, двойник Гесса опасался, что она все поймет.

Если это так, то мнимый Гесс выдавал себя за настоящего Гесса в течение многих лет. И, даже находясь в заключении, не пытался разоблачить подмену.

А недавно в печати промелькнуло сообщение, что и партайгеноссе Мартин Борман занимал свой пост не до последних дней, а только до 1943 года. С этого времени и до конца войны Бормана будто бы замещал как две капли воды похожий на него советский суперагент Василий Авдеев. Настоящий же Борман был похищен нашей разведкой и вывезен в Москву, где он и жил до конца своих дней. Впрочем, эта версия не находит документального подтверждения и, скорее всего, высосана из пальца.

Двойниками пользовались и разведчики, посылая нужных им людей в нужные места под видом тех, кого там ждали, или, наоборот, не ждали. Да и бандиты прибегали к таким уловкам, чтобы замести следы своих преступлений.

Так что стоит ли удивляться, что двойник товарища Сталина, живший уединенно на даче вождя и пользовавшийся всеми благами, щатательно скрывал тайну своего «Я». Разоблачать себя ему было просто невыгодно. Человек был властелином целой империи. Это стоило того, чтобы молчать до гробовой доски. К тому же, такое «признание» дорого бы обошлось дублеру. Всего скорее, его просто бы убрал Берия, как он убирал всех неугодных.

Были и такие случаи, когда хоронили двойников знаменитых людей, не подозревая об этом. Так, сравнительно недавно в печати промелькнуло сообщение о том, что под именем известного певца Александра Вертиńskiego похоронен его двойник. Будто бы настоящий Вертинский по возрасту не мог петь. Чтобы не прекращались денежные поступления от его концертов, высокие инстанции предложили артисту подготовить несколько дублеров. Их было восемь человек. В конце концов, ситуация с их выступлениями вышла из-под контроля, и власти решили официально «похоронить» Вертинского. На Новодевичьем кладбище в могилу опустили гроб с телом одного из двойников. Сообщалось: «... в «Анне» /имеется в виду «Анна на шее» Чехова/ роль князя играл один из дублеров». Редакция «Мегаполиса» опубликовала этот материал в качестве удивительной версии. «Ни подтверждений, ни опровержений ее, — говорилось в сноски к этой информации, — пока не нашлось...».

Однако вернувшись к разговору с товарищем Сталиным.

— Но ведь, кроме внешнего сходства, существуют и специфические различия людей, связанные, скажем, с возрастом и недугами, которые оставляют неизгладимые следы на человеке, и зафиксированы в памяти окружающих, в историях болезней, находящихся в клиниках, — заметил я, имея в виду /в первую очередь/ следы оспы на лице Иосифа Виссарионовича, которой он переболел в возрасте семи лет, атрофию мышц его левой руки /она была повреждена в детстве его отцом, и сделалась на несколько сантиметров короче правой руки, стала сохнуть/, зубные коронки и протезы. Почему-то пришло на память /может, и не кстати/, что идентификация сожженного Гитлера была определена специалистами по сохранившимся в черепе зубам.

Кроме того, как сообщал всемирно известный хирург академик Б.В.Петровский, товарищ Сталин с молодых лет страдал псориазом

— хронической кожной болезнью: «Еще в тридцатые годы он прошел курс лечения белковыми препаратами — лизадами — у некоего доктора Казакова. Инъекции этого малоэффективного препарата несколько помогли Иосифу Виссарионовичу, и тогда, по велению вождя, весьма посредственному врачу Казакову срочно создали специальный «Институт обмена веществ», оснастили первоклассным дорогостоящим импортным оборудованием. Доктор Казаков буквально процветал. Но произошло непредвиденное. Пятно, поразившее кожу товарища Сталина, стало вновь увеличиваться. Вкусивший славы Казаков был арестован и казнен вместе с профессором Плетневым и другими врачами. Им приписали отравление Куйбышева и Максима Горького...»

К тому же вождь страдал полиартритом, был предрасположен к простудным заболеваниям, ангине.

Со старением товарища Сталина, с ухудшением состояния здоровья его подозрительность вообще, и его неприязнь к медикам в частности, возрастили. Вспоминается, как январским утром 1953 года, прийдя в клинику Второй Градской больницы, я был буквально поражен сообщением, опубликованным в газетах: «Арестована группа врачей, якобы принимавших участие во вредительстве, устранении ряда крупных государственных и общественных деятелей, военначальников, ученых, писателей...».

Теперь известно, что все это подстроил Берия, чтобы отстранить от вождя близких ему людей и внедрить в его окружение своих подданных, которые бы могли помочь узуратору освободиться от товарища Сталина.

Имелась и другие частные особенности и аномалии у Иосифа Виссарионовича. Так, в выписке из медицинской карты Джугашвили Иосифа Виссарионовича, крестьянина села Диши-Лило Тифлисского уезда, хранившейся в полицейском управлении, говорится о приметах будущего вождя: о его росте, телесложения, цвете волос на голове, о форме подбородка и ушей, о походке и голосе. Отмечалось, что на левом ухе у Джугашвили — родника, на левой ноге второго и третий пальец срослись...

О том, что у Иосифа Виссарионовича сросшиеся на ноге пальцы и по этой причине он будто бы всегда спал в носках, писал какой-то литератор, а Анатолий Рыбаков пошел дальше, утверждая, что Сталин был шестипальным.

Подумав об этом, я вспомнил рассказ доктора медицинских наук патолога-анатома Вячеслава Паукова, являвшегося учеником академика Анатолия Ивановича Струкова, который делал вскрытие мозга вождя после его смерти и поделился своими впечатлениями, связанными с этим событием. Оказалось, что ни сросшихся пальцев, ни следов насилиственной смерти у Сталина обнаружено не было. Возникло предположение, что вскрывали тогда все-таки не вождя, а его дублера. Это говорило в пользу того, что перед мной сидел все-таки настоящий Сталин. Правда, Струков, по словам Паукова, подметил, что единственным физическим пороком у вождя, как уже говорилось, была атрофия левой руки. Можно ли было искусственно образом «наградить» человека сухорукостью? Судя по тому, какие чудеса делаю сейчас хирурги — тут нет вопросов.

По причине развившейся гипертонии и связанных с ней недомоганий товарищ Сталин даже бросил курить, что было для всех большой неожиданностью, — ведь он курил не менее 50 лет, и его легендарная трубка запечатлена на тысячах и тысячах рисунках, плакатах, картинах.

Сидевший же со мной визитер, как я уже сказал, набил трубку табаком от папирос, которые я ему предложил, однако курить не стал. Это тоже свидетельствовало о том, что я принимаю настоящего вождя.

Кроме того, с возрастом у Иосифа Виссарионовича ослабло зрение, и речи для него печатали на специальной машинке с крупным шрифтом. Однако на людях он очков не носил — из принципа. Не хватало еще того, чтобы вождя всех времен и народов лицезрели в очках. И это справедливо. Я, конечно, не читаю ему, а также надеваю очки, только оставаясь наедине с газетами и книгами, и многие из моего окружения даже не знают, что я ими пользуюсь. Очки украшают далеко не всех, а руководителей делают как бы с какими-то изъянами.

— Если говорить о создании моего образа, — Иосиф Виссари-

онович словно прочитал мои мысли, провел рукой вокруг своего лица, — то тут не обошлось без хирурга-косметолога, которому пришлось вмешаться во внешность моего двойника. Имелось и другие сложности такого же плана. Скажем, в свое время я перенес довольно сложную операцию по поводу удаления аппендицса, помимо чего хирургу Розанову, в свое время лечившему и Ленина, пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки. Это оставило след на теле в виде шва. У моего двойника не было такого изъяна. Врачи спровоцировали у него с помощью медикаментов боли в животе и под общим наркозом сделали ему те же операции. Должен заметить, тогда такие операции считались довольно сложными, и я благодарен Розанову за спасенную мне жизнь. С операцией двойника тоже все обошлось благополучно. Для того, чтобы все было, как говорится, тютелька в тютельку, и стоматолог приложил усилия, отжестив наши полости рта.

За какое-то время все проблемы с двойником были неплохо решены, если даже близкие товарищу Сталину люди не подозревали, с кем имели дело. Впрочем, этому находятся и другие, не менее объективные, причины. Дочь Сталина писала в своей книге «Двадцать писем к другу», что «последние годы вождь жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 года была последней. Больше он не выезжал из Москвы и почти все время находился в Кунцево...».

Последний раз она видела Иосифа Виссарионовича 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось 73 года. И не знала, что это был не ее отец. Говорила, что Сталин «выглядел плохо, по-видимому, чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, очевидно, ощущал повышенное давление, но врачей возле него не было. Ранее лечивший Иосифа Виссарионовича Виноградов был арестован по докладной Лидии Тимошук, утверждавшей, что Жданов умер потому, что его неправильно лечили, а больше вождь никому не доверял и никого не допускал к себе близко. Может, еще и потому, чтобы не разоблачить себя».

«Дело врачей» происходило в последнюю зиму его жизни. По этому делу академика Виноградова, много лет наблюдавшего вождя и лучше всех знавшего его организм, и посадили в тюрьму.

Незадолго до посещения Сталина его дочерью Светланой был арестован / 15 декабря 1952 года / и главный телохранитель вождя — генерал-лейтенант Власик, занимавший должность начальника Главного Управления охраны Министерства Государственной Безопасности СССР. Его лишили воинского звания и отправили в ссылку на десять лет, но, в соответствии с указом от 27 марта 1958 года об амнистии, срок этот сократили до пяти лет.

Да и сын товарища Сталина, непросыхающий алкоголик, которого отец, а выходило, уже и не отец, в 1952 году снял с командования авиацией Московского округа за нарушение приказа выше-стоящего начальства, редко общался с отцом. Мог ли Василий, постоянно находившийся «под мухой», заметить, что имеет дело с двойником своего отца?

— Я, конечно, знал, что, рано или поздно, а моего двойника взметет за глотку смерть, — сказал товарищ Сталин. — И после этого его место займет кто-то другой, еще до того, как мне вернуться за Землю. Начнется борьба за власть. И среди претендентов появятся люди, которые станут охивать все, сделанное мною, выдвигать программы обновления и переустройства. Кто-то возьмет верх и захочет прославиться своими делами. Начнутся всякие реорганизации и кадровые перетасовки. Но я очень сомневался, что реформаторам удастся сделать что-то стоящее. Буду откровенен с Вами до конца: я предполагал, что без меня народ не станет жить лучше, если к власти снова придут сионисты, мнившие себя избранным народом, и стремящиеся к господству над другими народами и нациями. Это наблюдалось и в первые годы советской власти. Не скрою, мне хотелось, чтобы люди не только по достоинству оценили мой вклад в дело построения истинного социализма, но и посетовали, что меня нет с ними. Мне хотелось, чтобы меня постоянно вспоминали. Чтобы мысли думающих обо мне улавливались теми сущностями, среди которых я окажусь, покинув Землю. И чем обширнее и плотнее поток мыслей с нашей планеты шел бы в космос, тем легче они были бы пойманы имеющими сияния у них приборами. И переданы мне.

— А почему вы оказались здесь, а не в каком-то другом месте? — отважился я спросить.

Губы его тронула едва уловимая улыбка: — Я же сказал, что мысли землян уходят в космос и там оседают, инопланетяне умеют их улавливать. Как в свое время уловили мои мысли, так теперь уловили и ваши. Там, где приземлился аппарат, на котором меня доставили сюда с перевалочной базы на Луне, поле притяжения оказалось очень сильным. Это значит, что здесь наблюдается единомыслие со мной, что очень важно для цели моего прибытия на Землю. Вы меня понимаете?

— Так точно, товарищ Сталин, — сказал я, поразившись тому, что на Луне инопланетяне уже создали свою базу, что, кстати сказать, перекликалось с заявлениями отдельных американских астронавтов, побывавших там, и радуясь той оценке, которую Иосиф Виссарионович мне дал. Ведь если все случится так, как хотел вождь / а его желания не расходились с делами /, то моя жизнь могла бы круто измениться. Я бы вошел в обойму нового правительства, которое снова возглавит Иосиф Виссарионович. Возможно, я бы даже стал Председателем Совета Министров, членом Политбюро ЦК КПСС, которое снова будет высшим органом власти и подавит все другие партии. Не случайно же вождь повстречался со мной.

Я не мог не доложить товарищу Сталину, что оставленный им на Земле его двойник собственоручно, по злонамеренному навету коварного Берия, убрал верных и преданных вождю людей и, таким образом, облегчил этому злодею осуществление коварного плана ускорения своей собственной смерти.

— Уточните, — сказал вождь.

И я стал уточнять:

— Когда вашего двойника хватил удар на даче в Кунцево, Берия сделал все, чтобы замешавший вас человек не оправился. Ни кто не вызвал к нему врача, в течение более полусятока ему не оказывали помощи. Берия утверждал, что ничего не случилось, Сталин спит. И только утром следующего дня по настоянию личной охраны и obsługi были, наконец, вызваны врачи, а прислугу тотчас же уволили и всем было приказано прикусить языки.

Позже говорили, что, по указанию Берия, кто-то из внедренных им охранников дал вождю хороший подзатыльник, а потом, будто бы, по голове его били мешочком с дробью. Но я не стал говорить об этом Иосифу Виссарионовичу.

Есть и такая версия, что Берия собственоручно отравил вождя, подсыпав ему в стакан с водой, которой тот должен был запивать лекарство, яд.

При смерти двойника товарища Сталина, ставившие ему пиявки на затылок и шею, снимавшие кардиограмму и делавшие рентген легких, уколы и записывавшие в журнал ход болезни вождя, врачи и сестры были людьми новыми и тоже могли не знать всех особенностей его организма.

Рассказывают, что агония и смерть товарища Сталина / а я-то теперь знаю, что это был его двойник / ничуть не омрачили и не опечалили Берия, который находился рядом с вождем в его последние минуты жизни. И это понятно, ведь он вынашивал план государственного переворота в стране и захватил власти в свои руки. А когда дублер скончался, он с плохо скрытым злорадством сказал у еще не остывшего трупа: «Тиран умер».

Как же он ошибся. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, пытались ли двойник товарища Сталина при своей жизни кому-то открыться. И вот что потрясает в рассказе дочери Иосифа Виссарионовича о поведении вождя на смертном одре:

«Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах... В последнюю минуту он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг, это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты и тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку / которая двигалась / и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следу-

ющий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Теперь, узнав от сидевшего передо мной настоящего Сталина о том, что вместо него нами последние годы правил его двойник, и, таким образом, Светлана описала смерть не отца, а этого двойника, я подумал, — а не хотел ли тот, никому не известный человек, правивший страной, сказать людям в последнюю минуту своей жизни, что настоящий Сталин там, на небе, где-то на одной из планет, и он еще вернется на Землю и продолжит свое правление, и горе будет всем тем, кто не выполнил его заветов, свернул с начертанного им пути.

Должен повториться: разговаривая с товарищем Сталиным, я все время был не в себе, а поэтому при всем своем желании не смог воспроизвести нашей беседы в деталях. Запомнились лишь фрагменты и ряд вопросов Иосифа Виссарионовича, на которые я давал ответы. Вопросы часто ставились в жесткой форме, как на суде, и я должен был подробно на них отвечать. Иногда Иосиф Виссарионович просил что-то уточнить, вставляя по ходу свои замечания /их было немного/, делал какие-то оценки, чаще — осуждающего характера, и так, как будто я был тоже виноват в том, что произошло в нашем государстве.

Голос у него был как у робота, которых показывают в кинофильмах: размеренный, глуховатый, почти без эмоций. Впрочем, судя по многочисленным рассказам людей, знавших Иосифа Виссарионовича, а также по его выступлениям по радио, и у того Сталина был почти такой же неторопливый, осторожный, как бы бесстрастный голос.

Товарищ Сталин редко выходил из себя.

Я же отвечал, по своей крайней напряженности, сбивчиво, пересказывая с пятого на десятое, ощущал какую-то неловкость, скованность. Возможно, это объяснялось и тем, что ничего радостного я не мог сообщить при имеющемся общем развале в стране, нарастающем хаосе и нарушении хозяйственных связей между республиками и регионами при отсутствии дисциплины и элементарного порядка.

Обязан признать и за собой немалую часть прегрешений за то, что делалось при Меченом и до него. Даже коммунистическая партия потеряла былую силу по вине ее лидеров, которые уверились в своем беспредельном самовластии, почивали на лаврах, благодушествовали, ослабили требовательность к себе и к другим, пренебрегли такими необходимыми понятиями, как государственный контроль, а если точнее — наблюдение, надзор за всем тем, что происходило в стране. Правда, сменивший Брежнева Андропов пытался поднять дисциплину, устраивал облавы в магазинах, кинотеатрах, музеях, вылавливая нерадивых чиновников, занимавшихся в рабочее время личными делами, намеревался предпринять и более кардинальные меры по наведению порядка, но он был тяжело болен и дышал на ладан. А заступивший на его место Черненко снова отпустил бразды правления, не хотел осложнений, связанных с наведением порядка. Он тоже тяжко болел, и дни его были сочтены.

Почувствовав слабинку, руководители на местах работали спустя рукава, иные спали на ходу или занимались своими делишками, очухались, когда пришедший к власти Горбачев, стал поворачивать наш государственный корабль «не в ту степ», и тут пошло, поехало...

Мне было нелегко расписываться в своей безответственности, и от признаний в этом меня спасло лишь то в тот момент, что Иосиф Виссарионович, в первую очередь, интересовался верховодами нашего государства, а также тем, как живет народ и что говорят о нем — Сталине.

Я отвечал. Повторяю: похвастаться было нечем. Его это удручало. Но не настолько, чтобы он вышел из себя и стал браниться. Во все время нашего разговора Иосиф Виссарионович держался сдержанно, хотя я и видел, что он крайне недоволен тем, что у нас происходило. Иногда мне казалось, что о многом ему уже известно. Более того, каким-то образом он узнавал, о чем я намеревался ему сообщить и предварял мои слова своими замечаниями, которые все чаще становились пространными. Он как бы объяснял мне подоплеку тех или иных событий в нашей стране. Его объяс-

нения были созвучны моим оценкам, моим желаниям видеть все в таком же свете, в каком он излагал их мне. Это меня радовало и воодушевляло на откровенные высказывания, хотя я продолжал контролировать себя, боялся ляпнуть лишнее.

Помнится, обрисовывая в общих чертах обстановку в стране, я даже позволил себе сослаться на шекспировского Гамлета, сказав товарищу Сталину словами принца Датского о том, что «распалась связь времен», и учение Маркса-Ленина, политэкономия капитализма и социализма нынешними правителями игнорируется. Ее даже исключили из преподавания в институтах и других учебных заведениях.

«Экономическая система социализма доказала свою несостоятельность. Альтернативы рынку нет», — заявляют нынешние руководители из верхнего эшелона власти во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, капитулировавшим перед Западом, а также и демократы новой формации, называющие себя борцами за народное благо. Все это отрицательно отразилось на нашем хозяйстве и уровне жизни рядовых граждан страны, а в первую очередь — России, несмотря на то, что она все семьдесят с лишним лет помогала другим республикам, отказывая себе во многом.

— Если пользоваться сообщениями Госкомстата СССР, — сказал я, — то можно увидеть, что в текущем году инфляция превысила 10 процентов. Возможно, эта цифра сильно занижена, так как определить ее уровень нашим статистам удается лишь ориентировочно. Национальный доход тоже значительно снизился. А внутренний государственный долг превысил пятьсот миллиардов рублей, что на сто миллиардов выше минувшего года. Размер внешнего долга превысил семьдесят миллиардов рублей.

— Этак недалеко и до долговой ямы, — усмехнулся товарищ Сталин, — выбраться из которой будет нелегко. И без затягивания поясов не обойтись. А кому-то и петлю на шее придется затянуть.

— Обостряется демографическая проблема. Разрушается территориальная целостность страны, — продолжал я. — Космополиты из демократического лагеря заявляют, что СССР должен быть разделен на семьдесят отдельных государств.

— Они подписывают себе смертельный договор, — заметил Иосиф Виссарионович Сталин.

— Углубляются национальные конфликты. Русскоязычное население изгоняется из среднеазиатских республик и Прибалтики. В стране уже насчитывается свыше шестисот тысяч «внутренних» беженцев. Они оказались на положении изгоев.

— И это на руку врагам.

— Открываются границы нашего государства. Люди интенсивно покидают страну и, что печально, в первую очередь — интеллигенция и молодежь с высшим образованием, которое получено у нас бесплатно, а также люди с хорошими идеями в голове. Они оказались ненужными в нашем государстве. Их охотно прибирают к рукам другие страны и, в первую очередь, Америка.

На постоянное место жительства за границу только в нынешнем году выехало четыреста тысяч человек, то есть вдвое больше, чем в минувшем. Утечка мозгов приобретает угрожающие размеры.

— Головотяпство! Пособников этого позорного явления надо ставить к стенке, — с металлом в голосе сказал товарищ Сталин.

— Образовательный уровень в стране резко падает. Миллионы детей не учатся в школах, а это отрицательно оказывается на качестве молодежи, в результате чего сильно возросла преступность, в армию призывают недоучек, бывших зэков и наркоманов. Разрушается и система среднего профессионально-технического образования, готовившая высококвалифицированных рабочих. Сейчас многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия как-то еще держатся «на плаву», на старых кадрах, но им скоро на пенсию. А новых поступлений — кот наплакал.

— Чудовищно! Не укладывается в сознании.

— И это только цветочки, а ягодки впереди. Демократы вознамерились громадное количество руководителей производства послать на обучение в Америку, что еще больше снизит плотность нашей ВУЗовской сети, которая сейчас и без того уступает плотности ВУЗов США в несколько раз.

— Все это, в конечном итоге, приведет к потере социаль-

экономического суверенитета в стране и превратит ее в колонию, — подытожил Иосиф Виссарионович.

— Безработица принимает угрожающие размеры. Число трудоспособного населения, незанятого в народном хозяйстве, приближается к десяти миллионам. И, как следствие — социальное расслоение населения на богатых и бедных. Богатые не знают, куда девать деньги, строят дворцы, жрут в три горла, просаживают миллионы вочных казино и барах, где танцуют голые девки, посылают своих детей учиться за рубеж в привилегированные школы и ВУЗы и платят за их образование бешеные деньги, полученные за счет ограбления народа, а бедные — на улицу, мыть у новоявленных господ стекла на «Мерседесах» и «Хондах», обслуживать состоятельных клиентов, поднимать им настроение в соляриях и бассейнах, массажных кабинетах и саунах, а то и просто — на панель для воспламененных похотью.

— Попустительство властей вкупе с бедностью всегда было рассадником преступности, — заметил товарищ Сталин. — Где нет возможности честно работать, возникают криминальные зоны. Люди будут вынуждены идти на правонарушения, чтобы не умереть с голода. А некоторые из-за безысходности своего положения кончат жизнь самоубийством.

— Так оно и происходит, — сказал я. — Народ теряет высокие социалистические идеалы, веру в светлое будущее.

Далее я сказал товарищ Сталину о том, что пышным цветом расцвел плюрализм, без которого, якобы, общество не может двигаться вперед, что там и тут возникают и разворачиваются свою деятельность различные неформальные образования, которые хотят взять верх над нашей коммунистической партией в целях «конструктивного подъема общества», а реформаторы выдвигают какие-то новые, абсурдные модели социализма, которые напрямую смыкаются с капитализмом, а то и просто тянут народы к капитализму. В стране намечается двоевластие: власть старая — монопольно-аппаратная, хорошо отлаженная, и новая — демократическая, разноголосая, хаотичная. И обе власти, к тому же, развернули войну между собой за право главенствовать.

Горбачевская демократизация привела к утрате коммунистической роли государства. Она перестала быть органом власти. Советы и правительство уже не подчиняются ей.

— Есть ли у Генсека союзники? — спросил Иосиф Виссарионович. — На кого опирается?

— Его пока поддерживает какая-то часть интеллигенции. Но, думаю, и она скоро развернется в нем.

— Интеллигенции нельзя полностью доверять, — заметил Иосиф Виссарионович. — Она всегда с червоточиной или гнильцой.

С этим трудно было не согласиться. Я рассказал вкратце о ближнем окружении главы государства, то бишь о назначенному им же самим Президентском Совете, о том, что он состоит из семнадцати человек. Люди в нем разношерстные по своему положению и интеллектуальному составу, далекие от единомыслия. Некоторые работают исключительно в Совете — так называемые функционеры. Но туда входят и министры во главе с Премьером, которого уже вовсю носят в печати, считают, что «политическое время» у правительства кончилось, кредит доверия исчерпан и ему пора в отставку. Некоторые из числа Совета вообще не состыковываются, едва терпят друг друга, скажем, Рыжков и Шаталин, или Язов и Яковлев.

К последнему я не питал симпатии, хотя он, вроде бы, и являлся участником Великой отечественной войны. Не случайно Андропов относился к нему более, чем настороженно, и держал подальше от себя. А теперь этот, с позволения сказать, академик и вовсе опаснулся, переродился. Верить ему нельзя. Да и входящие в Совет писатели — инженеры человеческих душ — мало общего имели между собой.

И вообще, этот придуманный Горбачевым Совет не являлся органом управления, роль его была чисто консультативной. Он ничего не решал — члены Совета не имели на это права. На Совете даже не обсуждались проекты всех указов Президента. Складывалось впечатление, что он — мертворожденная организация. Что они там делали, эти бесправные советчики? Изучали посту-

павшую к ним мешками почту — в основном, жалобы на бездейственность и произвол местных властей, пытались связываться с министрами и предлагать что-то, но те чаще оставались глухи к этим предложениям, а то и плевали на них с высокой колокольни:

— Интеллигенции не надо бояться, — сказал товарищ Сталин.

— Поворчать и смиряться, как не раз бывало. Она не претендует на власть. А если припугнуть — лапки подожмет и головы не поднимет. И будет дудеть в ту дуду, которую ей сунут в рот. Ну, а не покладистых изолировать — и вся недолга.

Я не знал, что на это ответить. А вождь продолжал:

— Пришли в Совет и уйдут, обломав себе зубы. Ведь они не знают, с чем ее едят, эту власть, и думают, что чего-то смогут добиться. Ничего у них не получится.

— Согласен с вами, товарищ Сталин.

— В стране думали о преемнике будущего Генсека? — жестко спросил Иосиф Виссарионович.

Я покал плечами:

— Пока не увидели реальных политических конкурентов, но намеки на то, что он может быть переизбран, имеются.

Я сослался на XXVIII съезд коммунистов и октябрьский Пленум ЦК КПСС 1990 года, где коммунисты открыто требовали устранения Горбачева с поста Секретаря. Сравнивали Генсека с подснежником, неведомо как распустившемся в заледенелой почве партийного аппарата.

— Сначала он вроде бы был олицетворением надежд народов. И он же, как теперь выяснилось, обманул эти надежды. С кем он? — задают себе вопрос советские люди. И не находят ответа. Пожалуй, он может предать народ. Да уже и предает. И доверие к Горбачеву падает с каждым днем. Он исчерпал свои кредиты. А все потому, что идет не прямо, а петляет, мечется, и никому неизвестно, чего хочет. Очень хитрый человек. Сам себе на уме.

Не мог я не сказать товарищу Сталину и о том, что в стране наблюдаются антисоциалистические тенденции, возникают контрреволюционные организации, а само руководство компартии находится под давлением левых сил и сдает позицию за позицией. В партии и в обществе — кризис. И он нарастает. В республиках создаются отдельные независимые структурные образования.

Когда речь зашла о пресловутом рынке, товарищ Сталин сказал:

— Некоторые думают, что лидеры Запада, да и Востока, заинтересованы в нашей демократии, — Иосиф Виссарионович так и сказал — «нашей», и тем самым как бы подчеркнул, что ему по-прежнему близко все то, что у нас происходит. — Чихали они на нее. Их забота — открыть для эксплуатации рынок дешевой рабочей силы. И советским людям нужно помнить: если они внедрятся в нашу экономику, то народ получит в награду и высокие цены, и массовую безработицу, и социальную незащищенность. Так что не надо питать иллюзий относительно рыночной системы. Кроме того, и это главное, народ утратит веру в будущее, которая питала его ми-нувшие десятилетия. А тот, кто надеется, что экономический путь к рынку даст стране то же, что и в Федеративной Германии, — глубоко ошибается. Капиталисты из США экономически накачивали Западную Германию для того, чтобы противопоставить ее СССР.

И с этим нельзя было не согласиться. Разбитые нами наголову немцы живут сейчас лучше наших союзников. И было бы глупо думать, что американцы расщедрятся в ответ на уступки нашего государства и позаботятся о том, чтобы оно заняло высокое место в экономике Европы.

— Запад знает цену деньгам и даром их никому не даст, — продолжал товарищ Сталин. — За все надо платить — истиня известная — трудом, потом, кровью. Вот почему мы всегда ограничивали имперские притязания Америки и других капиталистических стран. Нельзя надеяться и на пресловутое русское зарубежье, которое притягивает беглецов из СССР. Кто-то думает, что оно поможет поднять наше хозяйство. Дудки. Нажившие там капитал могут приехать со своими деньгами, если свистнем, но лишь затем, чтобы еще больше обогатиться самим. Вот и японец приехал в Ваш город, чтобы открыть совместное предприятие. Постройте на его деньги завод — и прибыль потечет в западные банки, а отходы вредного производства останутся у нас и будут отравлять землю, воду и воздух.